

НАШИ ТАМ

АНДРЕЙ ЗАГОРОДНИЙ
ТАТЬЯНА ТИХОНОВА
ВОПЛЬ
АРХЕОПТЕРИКСА

Наши там (Центрполиграф)

Татьяна Тихонова
Вопль археоптерикса

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тихонова Т. В.

Вопль археоптерикса / Т. В. Тихонова — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08570-2

Приказ – отбомбиться по логову фашистов новым секретным оружием, тем самым покончив с войной, и – назад, в эскадрилью. Но в небе появляется «юнкерс», который не оставляет шансов. А даже когда падаешь, все равно надеешься не разбиться, починить машину и вернуться. Но чтобы оказаться посреди джунглей и динозавров на берегу мелового моря?! Пять человек в мире без людей. Два летчика, крестьянин, физик и радист. Экипаж. Боевая единица в мире, где нет войны, в мире, где если взлетишь, то в небо, которое не удастся покинуть – если физик не запустит свою машину времени. Но для этого нужна взлетная полоса, и не мешало бы просто выжить...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08570-2

© Тихонова Т. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Загородний, Татьяна Тихонова

Вопль археоптерикса

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Загородний А. А., Тихонова Т. В., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Пролог

Штурвал от себя до упора... круче, скорость больше. Мессер на хвосте, не отстает. Цель, вижу цель! Подавись, сбивай... но я все равно успею бомбы положить. Внизу, поперек поля, двойная колонна на грунтовке. Нет, нельзя задешево умирать. Так я эту двойную нитку пополам разрежу, снесу грузовик, повезет – два. Но тогда будет неравный счет – две таратайки за мою птицу. Развернуться, зайти второй раз – вдоль. Не успею, черт!

В глазах темно, усталость, руки чугуном налиты, ступни... Надо машину точно вести, а я в небесах витаю... надо с небес на землю, огненным градом... а перед глазами девушка... кто она? Соня? При чем здесь Соня? Это, конечно, Иришка. Ведь перед смертью... перед глазами... не девушка, не только девушка, вся жизнь...

Нет, рано жизнь рассматривать, надо еще успеть умереть достойно. Взгляд под ноги, вниз – готов ли? Там никого. Где штурман? Где кресло штурмана? Пули стучат по фюзеляжу. Окно трескается. Где штурман! Нет, я не на бомбере, я на штурмовике, на Илюшине...

Почему на незнакомой машине?... Горит правое крыло... где, где здесь сброс бомб? К чертям сброс, я сам уже горящая бомба. Хорошо, что штурмовик одноместный – носом в землю лучше без экипажа. Но лучше не в землю, лучше в цель... Пальцы намертво на штурвале... почему он за головой?... Вижу – ногти синеют, провожу ладонью по волосам – кровь... где шлемофон... Голос Галюченко... почему на Илюшине Галюченко? Двухместная машина, новая?

Поднимаю нос, проскакиваю над грузовиком, кажется, метр до него, не больше. А в кузове... в кузове – успеваю заметить – сено. Таран получился бы записной. Оглядываюсь – мессер отстал, испугался, гад, а я с крыла огонь сбил... вроде. Поднимаюсь чуть выше, еще выше, сто метров, двести, резкий правый крен и вниз, в атаку. Как учили – бомбы класть вдоль колонны, не промахнешься.

Пора! Сброс, да еще полить гадов свинцом из всех стволов. Отдача – две пушки, как ни крути – трясет машину. Иду на бреющем, качусь над дорогой – выпустить все, до последнего патрона... Левый ствол замолчал – в нем пусто, за ним замолчал и правый.

А тряска осталась, оборачиваюсь – хвоста нет, как в воздухе держусь, непонятно. Да и не держусь, падаю. Прыгать? Я же на бреющем. Все! Теперь точно все. Подруливаю элеронами, от судьбы не уйдешь... колонна справа метрах в ста, дотянуть и еще фейерверк немцам устроить.

Низко, не дотягиваю, машина опять трясется, в последний раз!

...Просыпаюсь, вцепившись пальцами в перекладину за головой. Окошко не черное – светает. Надо мной лицо Алексея, это он меня трясет. Видит, что я глаза открыл и лицо разглаживается, ухмыляется. Машу рукой:

– Отвали, дай поспать.

Опять этот сон... чужой сон. Который снился мне много раз. Бред летчика с того Ил-2, умершего на соседней кровати.

Меня тогда зацепило совсем чуток, думал, перевяжут, да и все, а медицина сказала – в госпиталь, а то без руки останешься. Воспалилось что-то важное. А лейтенант со штурмовика уже лежал там, обгоревший, вместо лица – бинты, и на руках бинты. То ли спал, то ли бредил, и все время одно и то же... «Пикирую, скорость растет. Мессер на хвосте, не отстает. Цель, вижу цель!...» – и так от начала и до конца, одно и то же.

Рассказывали, что он протаранил немецкую автоколонну во время контрнаступления. Как Гастелло. И выжил. Штурмовики вылетали после артобстрела, а следом сразу пехота, пехотинцы его и подобрали. Живого. Живого, но не надолго. Времени ему досталось как раз, чтобы историю своей смерти рассказать мне и еще десятку соседей по палате. Но больше все-таки мне, я ведь летчик, не только слушаю, но и знаю, как это – ворочать штурвалом, тащить в брюхе бомбы – тонну и больше, аж до пяти тонн.

Или нет, это я опять засыпать начал и про себя думаю. До пяти тонн это мы возим, Ил-2 – он полтонны, наверное, поднимает. Но это ладно, чего считаться. Зато они врага в лицо видят, на бреющем, метрах на двадцати атакуют, я так не умею... или разве во сне.

Вот так – лица того лейтенанта я не видел, под бинтами много не разглядишь, только слышал. И так слышал, что снится он мне, и будет, наверное, сниться всегда. Как и крик этой птицы, не совсем и птицы, слышный даже через металл фюзеляжа.

Глава 1

Приезд физика

Почему нас решили на это задание послать, догадываться не возьмусь. Да и ни к чему знать, главное, по цели отбомбиться и на базу вернуться. Эскадрилья дальней бомбардировочной авиации, три звена по три Ер-2, располагалась, как ей и положено, далеко за линией фронта. Были мы с экипажем на этот момент безлошадные. Машина в ремонте, мы – на подхвате. Вылеты шли по большей части в немецкий тыл, сегодня ни меня, ни Алексея Морозова, штурмана моего, в другой экипаж не поставили, и выспались мы от души.

Дело шло к обеду. Жара не по сезону. Экипажи, отбомбившиеся ночью, до сих пор отсыпались. Остальные – при исполнении. Все как обычно, и хорошо, только ощущалась суета какая-то. На кухне с самого утра котлами гремели, будто гостей ждали. Порученец комэска Федин то выбегал из штабной землянки, то вбегал обратно.

– Ох, не к добру эта беготня, – буркнул подошедший вразвалку Галюченко, мой бортстрелок.

Смешной мужик. Невысокий, коренастый, с виду ничего особенного, обычный крестьянин, а как заголосит «Голова повязана, кровь на рукаве», так на столе кружки позвякивают. Все хорошо, только «заспывать» в последний раз его угораздило прямо возле палатки комэска, когда там совещание шло...

Бортстрелок доложил, что откомандирован к зампотылу на время ремонта машины. Попросил у меня папироску, дунул в нее, сплюснул коричневыми от махорки пальцами, прикурил.

Значит, безлошадность наша затягивалась. Жалко, когда слетанный экипаж вот так расползался по кусочкам. Но и рядового состава не хватало, те, кто есть, от усталости валились. То же и с механиками, ремонтом заниматься некому. Бывает, что сам лезешь помогать, лишь бы быстрее машину в строй поставить.

Мы стояли и молча наблюдали, как туда-сюда сновал взмокший Федин, вытирая пилотской пот со лба.

Галюченко как в воду смотрел, точно не к добру вся эта суета оказалась. После обеда приехали два грузовика, в одном – штатский виднелся, а сзади два «виллиса» с энкавэдэшниками пылили. Появление синих фуражек само по себе у кого хочешь зубную боль вызовет, а тут еще и с помпой, на двух грузовиках и машинах ленд-лизовских. Минут десять прошло – эмка подъехала, лоснясь на солнце черными боками.

Штатский, сразу видно, не из их компании, но на первый взгляд ничего особенного собой не представлял, обычный гражданин из детского стишка про человека рассеянного с улицы Бассейной. Очки, короткие мятые брюки, шляпа. Разве что лет на двадцать моложе, чем можно от такого ожидать. Выбрался из грузовика, вытащил за собой дорожный саквояж. Полез в кузов, стал резинот ощупывать, проверять.

Кадровые с комэском честь друг другу отдали и в штабе эскадрильи заперлись. Охрана, которая с ними приехала, вокруг грузовиков расположилась, морды серьезные. Ну, это понятно, части не боевые, сторожа, да и только. А вот штатский – ни с одними ни с другими.

– Дело ясное, что дело темное, – сказал Алексей.

Мы с ним, не сговариваясь, закурили, нам сговариваться не надо, почти год как вместе летаем, и в задумчивом молчании двинулись в расположение собственной землянки.

Чую, что и приезжий движется за нами, мнетя и хочет что-то сказать. Но не буду же я спрашивать: «Чего желаете, уважаемый?» Идем дальше.

– Товарищ капитан, извините, – окликнул человек рассеянный, и голос такой мягкий, будто шляпа эта его фетровая, – до наступления темноты хорошо бы машины разгрузить.

Я про себя чертыхнулся: весь день мечтал, как бы мне два грузовика на ночь глядя разгрузить.

– Есть, товарищ начальник, до наступления темноты, – отрапортовал я, развернувшись и вытянувшись по уставу.

– Ну что вы, в самом деле, не надо так официально. Я – Прохор. Прохоров Прохор Алексеевич, – сконфуженно потер он ладонью подбородок. – Мне бы еще побриться где-нибудь и вообще привести себя в порядок. Устал с дороги, двое суток ехали, а теперь ни слова не сказали, где мне разместиться можно.

– Добро, – махнул я рукой в сторону березок, на палатки хозчасти. – Насчет разгрузки – это к зампотылу, вон тот майор, в теньке своих солдат воспитывает. Побриться – рукомойники за домиком начсостава. И вообще все вопросы к зампотылу.

Приезжий снял очки и принялся их протирать. Светлые глаза близоруко щурились. Был парень моего роста, худой, да и лет ему, похоже, как мне и чуть больше, чем Алешке. Может, двадцать семь – двадцать восемь, не старше. А лицо выглядело таким уставшим, будто он не в машине перемещался, а вслед за ней пешком эти два дня шел.

Посмотрел я на него, и неудобно стало. Что он понимает в нашей жизни? Боевой экипаж о разгрузке спрашивает. Оглянулся на Алексея, вижу, ему тоже этого Прохора Прохорова вроде как жалко. Ладно, перегнул я:

– Подойдите к тому майору, а будут трудности, поможем. Вон угол нашей землянки торчит, заходите. Про ужин не знаю, наверное, с кем приехали, с теми и довольствие получите. Не удастся – тушенку, чай и галеты найдем, голодным не оставим.

Глава 2

Секретное задание

На штатского посмотрели, поговорили, да и отправились к себе, в землянку, чтобы поспать перед ужином, пока никто не трогает. Навстречу пронеслась Соня из медпункта. Софья Павловна, новенькая. Худенькая, лопатки торчат, будто крылышки, сложенные аккуратно так под белым халатом. Смотрит на тебя, словно ты фриц какой-нибудь. Вот и сейчас Софья Павловна даже не глянула в нашу сторону, но кивнула соседнему дереву. Поздоровалась, называется. А Морозов помрачнел еще больше. Его она вчера отправила ни с чем, вернее, с чем – с собственным веником из местных ромашек и васильков.

Мне же казалось, что на меня Софья Павловна смотрела не так строго. Скажем, не как на фрица, а только как на гражданина недружественной страны. Перейти границу? Но больно уж тихонькая, скучно, наверное, с ней, скулы сведет.

Раскланялись и дальше пошли. В землянке прохладно. Я снял фуражку, кинул ее от порога на гвоздь в стене, завалился на койку, свесив ноги в сапогах. И уставился в низкий потолок. Через незакрытую дверь донесся грохот, голоса. Внушительно разгружались, кирпичи у него там будто.

– Чего этого Прохора к нам прислали? – спросил Морозов.

Алексей всегда ясности добивается, оно и понятно, штурман, его дело – точность. Меня-то другое беспокоило.

– Здесь больше особисты вопрос вызывают, – ответил я, – на чью голову их принесло? Просто так эти ребята не появляются. Но раз со штатским да с грузовиками прибыли, значит, дело необычное. Похоже, по их части у нас все в порядке.

Долго разговаривать нам не дали. Явился посыльный, доложил, что срочно вызывает комэск. Мы с Алексеем переглянулись. Тут-то душа екнула, хоть и не числилось за мной ничего такого в последнее время, но мало ли. Приехали гости, и сразу я понадобился.

Делать нечего, застегнулся, китель дернул, фуражку прихватил, и до штабной землянки – бодрой рысью. Зашел, честь отдал – капитан Данилин прибыл. Осмотрелся ненавязчиво, насколько можно осмотреться, вытянувшись в «смирно» по прибытии к комэску. Два энкавэдэшника, Мухалев, его порученец, доблестный оруженосец Федин и наш новый знакомец справа у стола притулился, на руку оперся, глаза сонные. Бедолага, не привык без отдыха, штатский, одно слово...

Мухалев скомандовал «вольно» и представил:

– Капитан Данилин. Опыт полетов на восьми типах бомбардировщиков, включая трофейные и американского производства.

– Прочитано уже, – тихим голосом сказал приезжий майор, глядя по обложке мое личное дело. – Комэск, поставьте задачу перед капитаном.

От сердца отлегло, не по мою душу приехали, а с назначением каким-то. Вытянулся опять, слушаю.

Штатского представили по имени-отчеству, ну так мы и сами познакомились уже. Сообщили, что физик, зачитали приказ, в котором только туману нагнали. Испытания новой техники, строгая секретность, партия-командование, список наказаний за... Все как можно было ожидать, еще издали увидев эти «виллисы».

Спецзадание Верховного командования. Аж от Верховного! Но чем дальше я слушал, тем кислее становилось. Задача – быстро освоить модифицированную машину и произвести бомбометание новым типом оружия. Знакомое дело, бомбы новые получали уже. Правда, без физиков. Цели будут указаны позже. Ясно-понятно, что тут неясного. А пока поступаю вместе

с экипажем под командование представьте кого? Этого самого Прохора! Получалось, штатский будет руководить, а мы слушаться.

Мухалеву я бы сказал, что об этом думаю, он мужик нормальный. Но не при синих же фуражках! Пришлось отвечать коротко:

– Есть, товарищ майор.

Комэск сдержанно покашлял, посмотрел на меня исподлобья.

– Повторяю, капитан, – задание Верховного командования! И смотрите мне, чтобы без этих ваших штучек. Окажите товарищу Прохорову всяческую поддержку.

Штучек... Забыть не может, как мы курсанта катали. С какой стати к нам в отдельную эскадрилью такого занесло, никто тогда не понял, но к делу приставили – приказали наносить камуфляж. Он взобрался с краской на крыло, а штурман один мотор запустил и покатил по рулежке. Курсант заорал благим матом, упал в полный рост, впился в обшивку насмерть, потом его еле отцепили.

Признаться, мне полегчало, когда я Прохорова представил орущего и на крыле. Опять сказал «есть», повернулся на каблуках и за дверь.

Иду, размышляю. А что остается? Оно ясно – таких штатских так просто не присылают, и от задания необычного нам точно не отвертеться. Неприятностей мы не ожидали, насколько можно их не ожидать на втором году войны в дальней бомбардировочной авиации. Но не из-за безлошадности ведь они на нас свалились. Да чего там, из-за меня они начались. Во всяком случае, без моей летной книжки не обошлось.

Боевых, да и прочих вылетов в ней не больше, чем у других, но дело, надо понимать, в том, что вылеты эти на восьми разных машинах. Даже на Ю-52 три раза бомбы кидать летали. Тогда, в тридцать восьмом году, нас в Испанию добровольцами послали – да мы и были, в общем-то, добровольцами – эскадрилья СБ и разведчик По-2. Из пилотов я самый молодой.

...Зима там – сплошные дожди. Только разместились, осмотрелись, механики наши полезли машины проверять. Испанцы скептически посмеивались. Переводчик, капитан Симакин, злился временами. Ему трудновато приходилось – дергали его и мы, и испанцы. По приказу, разумеется, все к поездке готовились, язык учили, но так себе учили. Я, например, считал, что достаточно знать машину как свои пять пальцев, а остальное – дело десятое. Глупо, конечно. Друг с другом объясняться могли, вроде на иностранном, но испанцы нас совсем не понимали. Вот Семакину и приходилось всякую ерунду переводить. Да еще один говорил одно, а другой – другое.

Небо затянуто сплошь снеговыми тучами, из которых днем льет дождь, а ночью валит снег. Погоды нет, полетов нет.

Сидели, с местными общались. Там вообще не понять было, кто в армии, а кто – местное население. Гражданская война – вот он, вроде боец, вечером смотришь – пошел домой корову доить. Ну, а нам что, подружились на уровне жестов.

Старик, помню, из местных, Хименес, притащил двух зайцев. Кухарку нашу звали Бланка, белая, значит, со слов переводчика. На самом деле она была черна как головешка. Суровая тетка, освежевала зайцев, нарубила на куски и в жаровню. Я прямо залюбовался этой ее работой. Они все там такие. Иногда слова не добьешься, а если разговаряются, то никакой переводчик не успеет, и половины не понимаешь, но видишь, что все смеются. Вино в мешках кожаных, мехах, много, никогда столько вина не пил.

Дождь с крупной моросит, пар изо рта. Холодно, сыро. Как весной у нас, дома, когда лед на реке только сошел. Погода дрянь, а мы, мальчишки, все равно – сразу на рыбалку. Я старику говорю:

– Рыбачить здесь есть где?

– Форели, – отвечает, – в ручье. Тридцать минут ходу вдоль ущелья.

– Отведешь?

– Отведу, – кивает, – до обеда штук шесть хороших рыбин поймаете. Завтра и отведу.

А вскоре другой пришел, незнакомый. Сначала молчал долго, грелся, потом рассказал. Подорвался, говорит, Хименес. Там, на подходе к деревне, возле моста, заминировано было. Немецкие мины, немцы и минировали, когда наши наступали. А потом все там ходили, и Хименес ходил. К себе ведь домой шел и подорвался. Может, и не одна еще осталась. Симакин хмуро нам все это переводил: «...Война. Был Хименес, нет Хименеса. Будто чиркнуло. Иной сгорел – только дым пошел, другой – на прикурить, и думаешь, а что еще нужно, хороший человек. А бывает так, что всю жизнь... вспоминаешь, руки тянешь, как если бы к огню, и греешься. Хименес был такой...» Может, я не все понял, и не переспросишь, как тут переспросишь, но вот запомнилось.

А потом фалангисты аэродром вычислили и накрыли, почти все машины сгорели. Одну только этажерку механики починить сумели. Без дела сидеть в чужой стране – хуже некуда. Договорились, да и получили карабины. Один раз наш экипаж с разведчиками пошел, всего двенадцать человек. Сначала поднимались по узкой тропе, по лесу, в гору, потом – через перевал. Там видим – над городком дым. Легли в кустах, отдыхаем, двое, кто в штатском, вперед двинулись. Возвращаются, уже не прячутся, прямо по дороге. Вылезайте, говорят, городок наш, соседняя бригада его с утра заняла. Ну ладно, может, поесть разживемся?

И тут видим, полоса расчищена, а на ней – немецкий Ю-52. Штурман – заводной был парень, жаль, погиб в сорок первом, сигналит и нам, и испанцам – поехали домой, там и пообедаем. Забрались внутрь, а это не транспорт, а бомбардировщик. Ну да ладно, лететь недалеко, разместились. В общем, ту машину я и водил три раза легионеров бомбить.

Самым занятым третий вылет получился. Взяли две бомбы на подвеске и мешки с листовками, их тогда часто возили. Отбомбились без проблем и на город зашли листовки разбрасывать. В салоне загородку соорудили прямо у меня за спиной, чтобы груз центровку не нарушал, ответственным француза посадили, новенького. Почему уж послали его – не знаю, ни по-русски, ни по-испански не понимал тогда.

Не ожидаем ничего, и вдруг – вот они, появились. Выныривают будто ниоткуда два истребителя с эмблемами фалангистов. Не встречал я до того истребителей в бою, мы же на «юнкерсе» том только воевать и начали. Модель и ребенок определит – носы уточками, значит, «хенкели». Самолеты старые, тихоходные, но и у нас машина не гоночная. Кричу пулеметчикам, чтобы отгоняли их, пока до облаков доберусь, но куда там. Стрелками летали местные, ребята хорошие, один – Жуан, его мы в шутку Доном называли, а он не обижался – так с начала всей заварухи с пулеметом не расставался – но в воздухе, да по воздушным целям... без толку, в общем. Бьют прямо, без упреждения, а у «хенкелей» скорость за триста, они быстро сообразили, как от неумелых очередей уворачиваться.

Начинаю крутиться, даже не крутиться, а так – дергать машину то вправо, то влево. Слышу, Жуан шипит и ругается – ругань баскскую я тогда уже от обычных слов отличал. После посадки выяснилось – моих неуклюжих поворотов хватило, чтобы он на собственный пулемет налетел и два зуба выбил.

Дергаю то туда, то сюда, но не пилотажная же машина, того и гляди, развалится, а уворачиваться все равно не удавалось. Механики вечером два десятка пробоев насчитали, а в воздухе я и не чувствовал с непривычки, ну, тряхнуло слегка, не поймешь от чего. В облака бы уйти, так снизу у нас пулемета не было, вверх ползти – брюхо подставлять.

Тут наши стволы сразу все замолчали – расстреляли ребята боезапас длинными очередями. Смотрю на штурмана, а он в свой иллюминатор тычет. Там один из «хенкелей» высоту терять начал, удалось зацепить. А может, и сам закоптил, без нашего участия, фалангисты тоже на старье воевали.

Второй «хенкель» от нас отлепился, к своему подошел, смотрит, как у того дела. Ну, думаю, повезло, задрал нос и вверх ползу, в облачность, на полных оборотах.

Вижу, спохватился истребитель, догоняет. Все, теперь только держись! Оборачиваюсь к француз-листочкометателю, тычу вниз, в сторону земли, чтобы прыгать готов был.

Потом оказалось, сидел он в загородке этой и не понимал ничего. Бой видел, конечно. И ведь не боялся – думал только о том, как задание выполнить. Но учудил, решил, что бумажки из мешков вынимать – медленно получится, да и вывернул все упаковки себе под ноги, чтоб бросать быстрее.

Когда я ткнул пальцем вниз, он понял так, что листовки бросать пора. Распахнул дверь. А ветер подхватил весь наш бумажный груз и выбросил наружу одним залпом – и прямо «хенкелю» в морду. Тот, понятно, от неожиданности в сторону рванул – только что небо свободное, и вдруг все белое вокруг трепыхается. А пока он с бумажным оружием разбирался, мы как раз до облака дотянули, а там ищи нас на своем биплане сколько душе угодно.

Я, когда о полете докладывал, сказал, что наградить надо бы француза за находчивость. Потом поболтали с ним, попросил местных переводить – в баскских краях многие французский знали. Звали его Луи, папа с мамой в честь последнего короля Бурбона назвали, монархистами были, а сам он, несмотря на то что Луи, в интербригады записался. Рассказывал он это с улыбкой, и глаза теплели, когда о родителях речь шла. Но больше мы с ним не летали, да и вообще долго не летали, у «юнkersа» нашего карбюратор треснул, задело пулей. А где республиканцам новый карбюратор на немецкую машину найти? Так и стоял около летного поля.

А в сорок первом я уже старшего лейтенанта получил и летал на ЕР-2. Собственно, вылетов на нем сделал тоже только три, и все обошлись без проблем. Получили задание, вырулил, поднял. Потом четыре часа до места, сбросили груз, и столько же – домой. Вся работа на штурмане – и курс держать, и бомбы бросать – все его. Однажды, уже возле цели, захватили нас прожекторы, повели. Высота шесть триста, жалко терять. Чем ниже, тем легче достанут, но – резко на крыло. Крен больше допустимого. С элеронов пошел свист, почти падаем, но от прожекторов ушли. Высота пять тысяч. Отбомбились и домой.

Назад лететь – совсем мелочь. Посадил, и с души камень – вернулись. Но не все возвращались.

А потом наш ЕР-2 сгорел сам по себе. Стоял на дежурстве с полным боекомплектом, да и загорелся. Такое с ними бывало, даже особисты не очень усердно меня с механиком таскали – запросто халатность, а то еще и саботаж пропишут, или еще хуже – шпионскую деятельность углядят, дело известное. Но знали, что ЕР-2 не без врожденных проблем.

Пересели мы тогда на то, что было, на старый ДБ-3. Машина не современная, конечно, но и без детских болезней, на летном поле не загоралась. Однако и она долго не пролетала. Без нее меня уже в тыл отозвали, ленд-лизские самолеты перегонял, и опять – на фронт, и опять – на ЕР-2. В общем, так уж сложилось, что у меня в полку самый длинный список освоенных бомбардировщиков...

Глава 3

Проша и бомбовоз

«Приказано перейти в распоряжение, и приказано «без этих самых штучек», нравится тебе это или нет, приказ есть приказ!» – злился я, шагая к землянке. Пришлось позвать Алексея и отправиться-таки к новому начальнику. Нашли мы его возле кухни. Николай Семеныч, наш повар, махал половником над баком с гречневой кашей с тушенкой. Дух сытного мясного варева шел из кастрюли, лицо у Николая Семеновича было красное и умиротворенное. Все предвещало скорый ужин. Парень-физик сидел на лавке в ожидании раздачи.

На другом конце лавки восседал кот с обмороженными ушами. Кот этот был черный, облезлый и злющий. Звался Бомбовоз. Зверюга. Николай Семеныч его на таком пайке держал, что скоро морда треснет. А тот в ответ когтями по ногам лупил, когда повар мимо пробегал.

Уважал котят только комэска. Мухалев каждый раз бесцеремонно брал его, трепал по орызкам ушей, взвешивал на руке и говорил:

– Николай Семенович, думаю представить тебя к награде. Если Бомбовоза сбросить на головы противнику, урон будет как от тонной бомбы.

Сейчас Бомбовоз молчал, прижав уши и прищурив желтые глаза. Нехороший признак. Но и беседа с новым начальством в лице Прохорова вызывала во мне скуку. Я пробуксовал пару шагов из вредности. Кота за ухом почесал, на руки его взял. Чувствую, зря. Кот напряжился, когти мне под кожу всадил. И короткими очередями принялся издавать недовольные утробные звуки. Алексей в это время, естественно, вперед вылез:

– Товарищ начальник, разрешите доложить, капитан Данилин и старший лейтенант Морозов в ваше распоряжение прибыли. Сержант Климов прибудет завтра по причине нахождения в наряде. Ефрейтор Галюченко отбыл в распоряжение зампотылу.

Вот ведь, я этого Прохорова начальником в шутку называл, а теперь как накаркал. Между тем уже было не ясно, кто из нас кого держал, кот – меня, вцепившись в руку и подрыгивая задними лапами, или я кота – за загривок, который сначала мирно почесывал, а теперь ухватил намертво. Шкурой прочувствовал, что идея почесать зверюшку, пока мой штурман с физиком беседовал, была на редкость неудачной. А вопли Бомбовоз издавал все напряженнее.

– Да бросьте, пожалуйста, вы эти формальности. Я ведь говорил, меня Прохором зовут. – Приезжий мягко улыбнулся, посмотрел на меня: – Вы ведь Михаил Юрьевич?

Оказывается, уже и имя-отчество известно, мое дело ему еще до приезда показали. А может, и всех командиров экипажей, много ли нас в эскадрилье дальних бомбардировщиков? Черт... котят обхватил передними лапами руку, как опытный борец, поудобнее, значит, залег, гад... Он мне начал надоедать. Я оглянулся в поисках подходящего каземата для Бомбовоза.

– Так точно, Прохор Алексеевич, – бодро отвечаю.

Открываю стоявший на земле пустой бак, бросаю туда кота и накрываю крышкой. Все смотрят на меня.

– Ну не надо по отчеству. – Прохоров со своего наместа, снизу вверх, взглянул на нас, встал, неловко качнувшись на длинных ногах, подпертых лавкой. Уронил этот свой котелок и рассмеялся: – Нам ведь вместе работать.

Прохоров поднял котелок, подошел к баку с Бомбовозом и открыл крышку. Я так понял, что он вздумал животное спасти. Зря. Кот повис на нем и в два прыжка оказался на голове. Физик самую малость побледнел, погладил неуверенно Бомбовоза, получил лапой и растерянно рассмеялся, уставившись на красные полосы на руке.

– Зверюга, – уважительно сказал он.

И так по-доброму он это выдал с Бомбовозом на голове, еще и «зверюга», будто мысли мои прочитал. В общем, не Прохором он сразу стал, а Прошей.

– Ну и вы... меня Михаилом Юрьевичем не наворачивайте, – ответил я.

Морозов, наверное, то же самое почувствовал, потому что сказал:

– Вас где разместили? Если что, то лучше к нам. Все равно к кому-то подселиться, землянок свободных нет.

– Прохор, и на «ты», – протянул вдруг решительно руку Прохоров.

– Михаил, на «ты», – кивнул я и осторожно снял притихшего Бомбовоза с его головы.

Алексей, улыбаясь, тоже руку протянул.

Глава 4

Плавающий мотоциклет

Вечером Морозов начистился, побрился, воротничок свежий пришил, еще раз в зеркало на физию полюбовался, ладонью щетину попробовал. Кивнул сам себе. Годится, значит. Никак на свидание намылится, к ближнему бою готовился. А морда сияла, как чайник на кухне у Николая Семеныча. Гимнастерку дернул, увел за ремень. Да хорош, хорош, что суетиться-то, нервничает, что ли? Почему нервничает? Был он чуть ниже меня ростом, спортивный, отличная выправка, русые волосы под ежик. Подмигнул сам себе. Ну, мог бы медаль прицепить – «За боевые заслуги» он получил еще до того, как в мой экипаж попал, – но не стал. Одобряю, не на парад ведь. Алексей обернулся, фуражку надел и сообщил:

- Пройдусь. До медпункта, – откашлялся в кулак, глянул исподлобья.
- Выдвигайся, – усмехнулся я.

Сообщает черт предприимчивый, чтобы не встретиться там. Нет, а с чего бы это нам и не встретиться? Хожу к кому хочу... Сегодня я не собирался к ней, да. Даже вот не вспомнил. А Морозов отправился, и зло взяло. Я сел на кровати. Ну, что мне эта Софья Пална. Софья. Соня... примерился я. Подходит ей имя. Глаза большие, как у совы. Соня... Сонечка... Почему-то вспомнилось, как у землянки комэска опять ближе к вечеру пересеклись. Смешно встретились. Я туда, она – оттуда. Вылетела, снизу бежит, я не успел отступить. Ну, скажем так – будто не успел. Налетела на меня на верхней ступеньке, нос к носу, ладонью в грудь мне даже ткнулась, и близко так глаза ее эти растерянные. Серые или зеленые? Рукой пуговицы на гимнастерке у себя поправила. Запястье тонкое. Пальцы в волосы запустила и губы скривила вопросительно. Потом вдруг улыбнулась, поняла, значит, что я дорогу-то перегородил, и пауза затянулась. Но не хитро улыбнулась, как Вера, не язвительно, как Анна обычно делала, будто без нее, понятное дело, жить не можешь. Не-ет, тут другое было, такое мелькнуло на ее лице, как если бы рада она мне одному, что ли. Что за улыбка такая? И дурацкая шутка моя показалась грубой. Опять чинно раскланялись, опять она дереву кивнула.

Я прошелся по землянке туда-обратно. Поднялся наверх. Закурил. Смотрю, Алешка у кухни с Верой-поварихой, помощницей Николая Семеновича, снисходительно беседует. Попробуй не увидь, да и смех Верин колокольчиком далеко слышно. Федин выскакивает от Мухалева и замечание поварихе делает, а сам все лысину нервно вытирает, ревнует он ее страшно. Но как говорит Галюченко: «Такой ширины организм женский тише смеяться и не может, ты хоть что ему делай, хоть сам комэск наряд вне очереди влепи!»

Ну, да Галюченко тоже неравнодушен к Вере. А Вера все Морозову борща подливает да второе с добавкой выдает, краснеет. А если он еще и пошутит, то ее на смех этот пробивает. Федин же облезть готов от злости. Такой вот треугольник с гипотенузой.

Морозов заметил меня, но сделал вид, что не видит. Только челюсть больно независимо вперед выехала. Я ухмыльнулся, вернулся в землянку, разделся, вытянулся на кровати и уснул. Пока проваливался в сон, успел решить, что во всем виновато ее имя. Соня. Мягкое чересчур. Вот меня и переключило. Была бы она Фекла, например. Или Дарья. Да мне и так как-то все равно. Пусть хоть Айседорой Дункан зовется или Матой Хари... А вот Морозов пусть подальше от нее держится...

Проснулся я оттого, что кто-то меня тряс за плечо. Глаза открыл, темнотища. Тревогу проспал?!

- Тревога?! – рявкнул в темноту. – Проспали?!

– Тихо, не ори ты. Пошли поможешь, по дороге все расскажу, – приглушенно ответил штурман, а сам вроде бы уже у выхода топчется.

Я выскочил за ним, одеваясь на ходу, и мы побежали вприпрыжку. А вокруг тишина, ночь лунная, черные тени от деревьев протянулись по земле, в глазах от них мелькало. Алексей говорил на ходу:

– Федин меня у Веры застал...

Я хмыкнул, споткнулся, чуть не улетел. Тем временем уже подбежали к землянке комэска, сбавили ход. Пришлось уточнить для прояснения обстановки, за что отвечать придется.

– Шею тебе Федин намыллил? Или ты ему?

– Да нет, – ухмыльнулся штурман. – Я к Верке в закуток за кухней зашел, а она целоваться ко мне. Тут Федин – схватил сзади и тащить, я еле вырвался. Хотел ему в морду дать, чтоб офицера не хватал, а он убежал. Расстроился сильно, надо понимать. Слышно было, как драндулет свой завел, я подумал: на таран пойдет, что ли? А он рванул с горя в поля, в сторону деревни. Потом возвращаюсь я к себе, и черт знает, откуда комэск узнал уже, стоит и курит у землянки. Говорит: «На ловца, Морозов, и зверь бежит. Что за ночь сегодня такая удивительная, что за хождения? Федин вот мотоциклет с мостков чуть не утопил. Бери кого-нибудь ему в помощь и отправляйтесь машину доставать, раз гуляете и спать вам не нужно». Вот я и подумал тебя на помощь позвать. Климова будить – болтать потом много будет, а Галюченко пусть отоспится, вкалывал весь день вчера.

– А Мухалев что? – переспросил я.

– Сказал: «Действуйте, вылетов у вас, – говорит, – все равно не было, а виноватых утром искать будем, если сами не объявитесь»...

Тут тень от землянки надвинулась. Оказывается, Федин ждал нас, чтобы идти дорогу показывать. Обида обидой, а мотоциклет доставать надо.

Старшина ни слова не сказал, молча рванул впереди нас, надо понимать, в сторону застрявшего транспорта. Мы за ним еле успевали.

Сумерки синюшные лунные над полем, сыростью потянуло от реки. Сосняк впереди чернел, от леса – туман, в тумане деревня виднелась избами и дымками над трубами. Хорошо! Свернули с дороги. Река здесь широко разливалась, детишки, наверное, по мосткам разбегались и в воду... Но мостки были сломаны, одна из опор выворочена, а на ней мотоциклет болтался, переднее колесо в воде, метров пятнадцать от берега.

– А глубины здесь приличные, – говорю. – Может, в деревню сходим за лошадью или хоть веревки попросим?

Но Федин уже скинул галифе, гимнастерку и брел по мелководу.

«Не слышит... Чтоб тебя с этим мотоциклетом, ординарец хренов!» – чертыхнулся я про себя.

Полезли в воду, течение начало сносить. Уже почти добрались до цели, когда вдруг опора хрястнула и мотоциклет погрузился в воду, одни рукоятки на поверхности остались. Его потащило к берегу, прямо на ветки ивняка.

– Черт, Верка эта, – отплевывался где-то впереди меня Алешка, он уже плыл к берегу.

Выбрались на песок. Федин полез в ивовые заросли, решив, что оттуда сподручнее достать будет, но скоро выбрался обратно.

– Не подойти, – хмуро бросил мне.

– Веревки нужны. Зацепим и вытащим, – сказал Алексей.

– Голова, – тихо, себе под нос, прошипел Федин.

На перекате вода галькой играла, уныло что-то брякало в качающемся на волне мотоциклете. Мне это брожение по берегу надоело.

– Я в деревню! – крикнул, и Федин мрачно кивнул. До деревни было рукой подать. Дорога шла вдоль берега, я и не заметил, как добежал. Возле деревни, из тумана, над полем, заячий треух выплыл. Потом лошадиная морда появилась, потом и вся лошадь. Но это туман полз от реки, а лошадь с пастухом на месте стояла.

Пастух мне лошадь и одолжил, и веревку отдал – отвязал корову. Я чуть не наступил на лежавшую в траве козу, она мекнула, ей ответила еще одна. Вот и все стадо. Война.

Как я на лошадь забрался, не помню. Помню, пастух что-то крикнул, показал, как вправо-влево поворачивать, как тормозить, и шлепнул крепко по крупу. Лошадь вздрогнула, фыркнула длинно и пошла, пошла...

Я сдуру наподдал пятками, ход прибавился. Рванули по кочкам рывками, вспомнилось, что должно бы быть седло, но седла не имелось. Мы с конем скакали в тумане, я видел только гриву, прядяющие уши и слышал топот копыт. Вскоре показались прибрежные кусты, прямо по курсу. Натянув повод, я бормотал: «Стоять, стоять, мой хороший, кому сказал, мерин сивый, костей ведь не соберем...»

Что из всего этого сработало, не знаю, но лошадь встала посреди тумана. Ничего не видать. И тут хриплое дыхание, маты и топот заставили меня скатиться вниз на раз-два. Шагах в десяти на песке барахтались Федин и Морозов. Не понять, кто где. Вот Морозов извернулся, рубаха затрещала, и штурман сверху заехал кулаком в глаз старшине. Слабо заехал. Федин подскочил и с налету вроде как в зубы... нет, промазал. Но все равно молодец, отбивался, хоть я и за Лешку, но по справедливости – молодец. А Лешка прижал ординарца локтем мордой в песок.

– Каз-зел... – прохрипел Федин.

Морозов принялся лупить старшину молча, в лицо. Федин вывернулся, вскочил и отлетел прямо на меня, развернулся и с разворота врезал мне по скуле. Я – ему.

– Отставить! – прохрипел я сквозь смех, тут же поскользнувшись на мокрой глине и повалившись сверху на них.

– Есть отставить! – вразнобой отозвались участники побоища.

Федин сплюнул. Посмотрел на Алешку, на меня, махнул рукой и, качая головой, полез в воду. Приговаривал:

– Ну, Верка...

Я держал конец веревки – привязать ее было не к чему. Спросил:

– Что это ты его бить надумал?

– Да он сам налетел, сверху, так же как и ты, – ответил штурман. – Одурел совсем от ревности.

– Так я поскользнулся.

– Да? – Алексей даже веревку из рук выпустил. – Ну, может, и он поскользнулся.

Уже светало, когда мы вытащили «утопленника», отвели моего так и не приготившегося Росинанта и почти шепотом катили мотоциклет мимо землянки Мухалева. Не вышло.

– Красавцы, – усмехнулся комэск, посмотрев на наши измазанные глиной рожи. – Вера у меня три раза за вас приходила, прощения просила. Эх, Федин, Федин...

Глава 5

Прошин «сервиз»

Обе трехтонки оказались разгружены под натянутый от дождя брезент. Ящики уже были открыты – какое-то оборудование, ни на что мне известное не похожее, и тем более на новые бомбы. Тут-то бы и ввести нас в курс дела. Но начальник, сразу чувствуется, штатский, начал не с того, чтобы задание объяснить, а с того, что с головой ушел в это свое оборудование.

На первом плане стояло что-то напоминающее небольшой генератор, несколько ящиков оказались полны метизов, ясное дело – крепеж и прочее, в это прочее я отнес глубокомысленно все не наше у меня названия. Еще имелся железный шкаф, с начинкой и приборной панелью, напоминающей радиостанцию. Последний ящик, небольшой, был заклеен строгим Прошиным: «Осторожно-осторожно, это хрупкое!» – там и правда было много стеклянного. Или не стеклянного. Не знаю, но ящик все время позвякивал, постукивал при каждом движении. Нести этот сервиз так никто и не взялся, и транспортировал его сам физик, осторожно вышагивая впереди всех к нашей землянке.

Проша объяснил, что это техническое великолепие вроде как его изобретение, и в глазах светилось, что изобретение – «гениальное». Выходило-таки, бомба, но особенная, чем особенная, не сказал. Ну, бомба и бомба – мало ли мы их побросали? Оказалось, не все так просто. Сбрасывать надо на парашюте, и он, Проша, для этого полетит с нами.

В бомбардировщик на задание пассажира брать – дело так себе. К тому же штатский: как еще себя поведет, летал ли он до этого вообще, может, у него морская болезнь случится, паниковать начнет, «выпустите меня отсюда» зарядит, бывали ведь и такие. Но приказ есть приказ, хочешь не хочешь, а выполнять придется. И я для самоутешения мысленно проскрипел старушечьим голосом «оказывать всяческую поддержку».

Подключились механики, за два дня собрали эту странную штуку, но как с ней лететь – в фюзеляж не поместится. Тяжелая, больше полной бомбонагрузки, под крыло не повесишь, машина с таким дисбалансом даже и не взлетит. Проша бросился объяснять, что проблем никаких нет, что ему совершенно новенький бомбардировщик обещали. При этом так упирал на слово «новенький», что мы от души посмеялись.

Эка невидаль – новенький бомбардировщик – он или новый, или сторевавший. У любого боевого самолета ресурс до капремонта – чуть больше сотни часов, но я и не припомню, чтобы хоть один в капремонт отправился. Точнее, наш ТБ-3 почти отправился, но тоже не сложилось. Вылетел свое, оба левых мотора чихали на высоте, но если спишешь до срока, так в саботаже обвинят. В общем, осталось разок на задание, и все, ресурс вышел, отправляй старушку в тыл...

...Тогда полетели поначалу спокойно. Три часа до цели, привет немцам доставили, можно и домой. Хорошая ночь, облачность низкая всю дорогу, ни одного зенитного разрыва не видели.

Уже на рассвете до линии фронта добрались, и две пары «мессершмиттов» – откуда ни возьмись. Все, думаем, хана. Аппарат у нас тихоходный, и только четыре пулемета. Заходят мессеры снизу сзади – разобрались, на чем летим и где у нас мертвая зона. Что тут поделаешь, кладу влево, чтобы стрелок из верхней кабины мог хоть очередь пугнуть. И тут он кричит – затвор заклинило. Точно хана! Но когда из правого крыла уже клочья полетели, появилось звено «Чаяк». Не бог весть какая сила против четырех мессеров, но нас прикрыли и сами сумели не подставиться.

Отбились, пора домой поворачивать, крылом бы качнуть, спасибо сказать истребителям, так справа элероны измочалены. А тут из правого крайнего дым повалил, пришлось глушить.

Истребители это заметили и уходить не стали, повели на свой аэродром, он совсем рядом оказался. Там и сели – один мотор заглушен, два чихали. У них и остался ТБ, кому он нужен в таком состоянии...

Не так просто вышло с «новеньким» Прошиным бомбардировщиком. Мы-то ждали, что очередную ЕР-2 получим. Казалось, пустая идея, не впихнуть в бомбоотсек то, что смонтировалось из секретных ящичков. Но все иначе обернулось – новыми трехтонками. Сначала из-под тентов этих трехтонок целый взвод энкавэдэшников вывалился, оцепили дальний конец аэродрома, маскировочной сеткой такую территорию затянули, на паровозное депо хватило бы. Потом грузовики пошли потоком, даже автокран прибыл.

Охраны понаехало – взвода три. Кого пугать? Во всей нашей эскадрилье людей меньше, даже если жителей соседней деревни прибавить. Понятное дело, на неприятности мы нарвались. Не всей частью, конечно, а только я и Алексей – планида у меня такая, неприятности собирать.

Отошел покурить в сторонку, никого не трогаю, слышу из-за деревьев голоса. Матюки. И вроде бы штурман мой участвует. Потом уже разобрался, что приезжий старлей у него спросил что-то вроде «Где бабы, которых вы здесь пользуете?». Грубо так спросил, вроде как все ему что-то должны. Алексей, понятное дело, ответил, слово за слово, тут я сквозь кусты на сцену и вышел. Вижу, держат друг друга за грудки. Приезжий подвизгивает скрипучим голосом, угрожает, а Алексей пытается ему в морду кулаком ткнуть, но так, чтобы и гимнастерку его из руки не выпустить. Командую:

– Отставить, лейтенант!

Приезжий сначала обрадовался, подумал, что я Алексею. Ну я придвинулся и шиплю уже тихо, так внушительнее у меня получается:

– Повторить приказ?

Тут он от Алексея отцепился и давай верещать:

– Ты мне? Да ты знаешь, кто я? Я тебя... У меня связи! Все завтра на передовой будете! – чуть не захлебнулся от злости.

Что отвечать ему, унижаться. Но Алексей не стерпел, вставил:

– Так мы и так на передовой. Это ты вот в тылу прячешься. Оно и понятно – связи.

Лейтенант жаловаться убежал, а мы пошли в землянку проблем ждать. Много времени не прошло, как Федин нарисовался, зовет к командиру. Заходим – Мухалев один. Уже хорошо. Похоже, приезжий начальник решил на тормозах дело спустить. Приказ от Верховного командования мы получили, теперь выполнять должны. Не переть же ему против. А так – командиру эскадрильи поручено разобраться, наказать. Не нашел как – его вина.

Мухалев на меня смотрит, но не командует, не ругает. Видимо, разобрался уже, с кем дело нам иметь пришлось. Только спросил:

– И как ты теперь, Данилин, выкручиваться будешь? Они ведь не отстанут.

– Не буду выкручиваться, товарищ майор.

Мухалев грустно усмехнулся, на том и отпустил нас. Алексей за все время ни слова не сказал. И правильно, так спокойнее обошлось.

Вряд ли после того случая, скорее по приказу, но к охраняемой территории близко никого не подпускали, приходилось наблюдать эту стройку века издали. Не понимали сначала, что там городят. Только день на четвертый сообразили – самолет. Побольше «Ермолая», покороче ТБ. Когда основные части на месте оказались, понятно стало – на «манчестер» похож. Не то чтобы мы этого англичанина хоть раз видели, но на инструктажах ведь профили зубрили, свой-чужой в воздухе не по звездам определяешь – когда там крылья рассматривать? Но не «манчестер» – у того два мотора, а здесь четыре, да и не поставлялся вроде тот по ленд-лизу, иначе бы он среди своих числился, а не как союзнический. Потом уже разобрались – «ланкастер». Тот же

«манчестер», но четырехмоторный, новая модель. Как уж наши с англичанами договорились, что один сюда дали, нам точно не доложат.

Собирали его приезжие. Закончили, и в тот же день – в грузовики, под глухие тенты, прочь пылить. Только тогда нашему экипажу с машиной ознакомиться разрешили. С механиками чужими поговорить не дали, но, когда их команда отбывала, я уловил почему. Не по-русски они разговаривали, услышал краем уха. Как понял, англичане сами свою технику монтировать приезжали.

Облазили мы машину, конечно, от шасси и до киля. В ней, в самом хвосте, кстати, кабина стрелка – отличная штука, лети себе и о задней полусфере не беспокойся. И не только там – в носу сдвоенная турель, сверху на фюзеляже – еще одна. Я даже представил, как бегают Галюченко внутри этого толстого фюзеляжа от носовой турели к хвостовой, фрицев с трех позиций отстреливает. А что? Он может. Шутки шутками, а я думать начал, кого из стрелков нашего звена на какую позицию назначать.

Когда отсек и бомболюк осматривали, понятно стало, почему именно такую необычную машину получили. Места – полно, даже не места, а пространства, можно сказать. Прошина бомба и в отсек должна войти с запасом, и над целью через люк выйти без проблем.

Глава 6

Войну – одним ударом!

На следующий день начались, что называется, разочарования. Во-первых, машину облетывать запретили. Секретность. Приказ. «Ланкастера» ни наши, ни немцы в глаза не видели, в момент поймут – необычное затевается. Взлетать придется один раз, и сразу на задание. Причем вечером, в сумерках, но это как раз не проблема – полоса у нас с большим запасом, любую машину поднимем, не свалимся.

Комэск прекрасно понимал – на незнакомом аппарате просто так, без тренировок, не летают, но что он может сделать? Когда я настырно решил просить хотя бы об одном пробном, хотя бы в темное время суток, он сказал коротко:

– Отставить, капитан! Это приказ, – потом вздохнул и попытался смягчить шуткой: – Вернетесь, тогда и потренируетесь вволю. Специально полосу тебе выделю. На один раз.

А я что, не понимаю разве? Но и за моих, которым в эту машину садиться, никто больше слова не замолвит. Хотя бы попытался.

– Есть отставить, – ответил я. И добавил: – Не надо полосу. Еще вопрос, разрешите?

– Давай.

– На «ланкастере» три турели. Я стрелков из других экипажей звена возьму – ребята проверенные. А если новых прислать должны, пусть уж они у моих ведомых, пока не вернемся, поработают.

– По плану носовой и хвостовой пулеметы будут убраны. – Комэск обернулся к порученцу Федину.

Тот только что укоризненно качал головой, дескать, зачем всякую ерунду спрашивать. Под взглядом командира старшина закашлялся. Раздраженный румянец залил, кажется, даже его лысину. Он торопливо ответил:

– Работы еще ведутся, товарищ комэск. Сначала показалось, что хватит места под эту... хм. А потом оказалось, что не хватит.

– Э-эх ты, Федин, Федин. Во-первых, чуть не проболтался, во-вторых, когда кажется, креститься надо, а не рапортовать. – Комэск хмуро улыбнулся. – Ну, на этой ноте и закончим. Проверь на сто разов все, капитан. Словом, действуй, Миша. Держи меня в курсе.

– Есть держать в курсе, – ответил я, машинально кивнув.

Но разговор и так шел не по уставу, чувствовалось, что комэск переживал и за нас, и за это спецзадание. Вернулся я к черневшему в сумерках огромной глыбой «ланка-стеру». Забрался в кабину, сел в кресло. Попялился на панель приборов, отметил отсутствие пулемета в носовой части. Примерился в который раз к висевшему впереди меж двух иллюминаторов репитеру компаса – главный компас на этой машине сзади. С репитера – на указатель скорости, со спидометра – на авиагоризонт. Обрато на репитер, на другие приборы, с которыми еще разбираться надо. Крутанул штурвал. Тяжело повернулся, внушительно.

Еще раз прошелся по кабине. Большая, под стеклянным колпаком. Рядом с моим, похоже, кресло бортинженера. Прошину машину еще укрепляли. Физик с тревогой следил, что-то подхватывал, подпихивал, ругался уже почти в тон с ржущими над ним механиками.

– Да ты, наука, не суетись, – приговаривал один из них, – иди чайку попей.

Проша краснел ушами, но объяснял свое, показывая пальцем и чуть не забираясь в глубины смонтированного агрегата.

Я прошел в хвост. Точно, и хвостовая турель убрана. Зря мы планы строили полетать над фрицами, попугивая их восемью стволами. И тут – Прошино оборудование вроде антенн,

разнесенных как можно дальше друг от друга, – за бомбой следить по радиосигналу, наверное. Так что экипаж наш не увеличится, и поедет Галюченко, как на ЕР-2, в верхней будке.

Ближе к ночи комэск вызвал меня с Прошей к себе, Федин буркнул: «Приказано сразу вести».

– Игорь Валентинович, к вам Данилин с Прохоровым.

Майор Мухалев лежал на кровати, скрестив руки на груди. Казалось, спит человек, вот прямо упал на секунду и выключился. Но глаза, плотно закрытые, жили своей жизнью, бегали, останавливались и опять что-то рассматривали. Брови сложили морщину на лбу. Но едва Федин умолк, комэск проснулся, сказал:

– Проходите, садитесь.

И быстро встал. Прошел к карте, разложенной на столе под лампой.

– Старшина, ко мне никого не пускай.

– Есть, товарищ комэск. – Федин скрылся за дверью. Прохоров разместился на трехном табурете возле стола. Я присел на деревянный топчан за его спиной.

– Итак, что мы имеем, товарищи, на сегодняшний день? – сказал Мухалев, устало потерев лицо. – Имеем машину, собранную и готовую, по словам собиравших, к полету, что придется проверить, только непосредственно приступив к выполнению задания. Для обслуживания секретного оборудования в экипаж включен товарищ Прохоров. – Комэск посмотрел многозначительно сначала на меня, потом на Прошу, тот кивнул. Мухалев добавил: – План полета получите вместе с окончательным приказом.

Он сделал паузу, прикурив, помахал ладонью, разгоняя дым. Прохоров и я молчали, ждали продолжения, я-то знал, что Мухалев сам все доскажет, потом спросит. А полезешь сейчас уточнять, оборвет. Сидим, ждем.

– Время отлета по сигналу из ставки. Разведка отработает. Синоптики, опять же. Вдруг над Берлином хляби небесные разверзнутся или, например, главного фашиста кондратий стукнет от внезапного осознания содеянного. Тогда и нам незачем бензин ленд-лизовский тратить впустую. Три дня, Миша. Это время осталось до начала операции. Командование считает, что советскому опытному летчику это достаточное время для освоения новой техники. Причина торопиться веская. Возможность завершить войну. Через три дня в любую минуту может поступить сигнал. Вопросы?

После слов про Берлин и главного фашиста, а потом про «завершить войну» я посмотрел на Прошу, вернее, на его затылок. Что у него за устройство? Будто провалится Гитлер в тартарары в одночасье. Очень сильно похоже на дурацкий розыгрыш. Но мысли уже заработали в другом направлении. Чтобы освоить новую машину, принцип действия которой представляешь, а какой-то дядя подписал все на своем китайском, надо сначала узнать, что и где у нее находится. А куда и зачем – разберемся. И сказал:

– Переводчика бы, Игорь Валентинович.

– Сейчас подниму капитана Вяхирева, – кивнул Мухалев.

И при чем тут этот капитан? На кухню только ходит да книжки в теньке читает. Но, видимо, недоумение мое на лбу было прописано, потому что Мухалев добавил:

– Специалист по английскому, безопасники оставили. Прибудет в твое распоряжение. Федин!..

На следующий день, ближе к вечеру Вяхирев расклеил на основные узлы, приборы и указатели «ланкастера» бумажки с переводом. Я не отставал от него, просил уточнить то одно, то другое, и скоро уже запомнил почти всю начинку панели пилота. Усевшись в кресло, обвел аппаратуру другими глазами, понял, что все под рукой. Не все, конечно. Выходило, что «ланкастер» только из кабины не запустишь. Точно, вот переключение на внешние баки. Все четыре мотора «Мерлин» – здесь. Газ... на один дюйм вперед. Вяхирев пишет, что один дюйм – это

2,54 сантиметра, ох, ты ж, зануда, не промазать бы! Да не промажем... Рычаг тормозов на левой части штурвала...

Три дня махали закрылками, стрелками приборов, запуск двигателей произвели несколько раз. Газ. Тронулись. Посыпались с корпуса камуфляжные приспособления, ветки... Торможение... Нормально.

Комэск через Федина два раза в день справлялся, как у нас идут дела. Сам тоже по «ланкастеру» лазил, когда время находил.

Отведенные три дня закончились, и... ничего. Тишина. Я сидел как на иголках, дергался. Сказано же – войну одним ударом. Так чего ждать? Умом-то понимал – как только сложится, команда сразу и придет. Может, пакет уже в эскадрилье, в сейфе лежит, командир лишь сигнала ждет, чтобы мне его вручить? Понятное дело, но все равно мучился. И Алексей мучился – он ведь второй командир в экипаже, в курсе дела, хоть и в общих чертах. Даже Проша все время ходил на кухню Бомбовоза гладить. Смотришь, – идет энергично так, будто по делу. А обернешься вслед, так он возле котлов сел на корточки и котяру задумчиво по спине ладонью утюжит.

Только к вечеру, на четвертый день, комэск в штаб вызвал, на этот раз меня одного:

– Машина, бомба в боевой готовности. Это я не спрашиваю, а утверждаю. Ваша задача – доставить бомбу в означенную в приказе местность, после чего товарищ Прохоров приступит к выполнению своей части задания. Означенная местность – Берлин. – Комэск протянул мне конверт. – План полета вручить старшему лейтенанту Морозову. Прорабатывайте, готовьтесь, сигнал вот-вот поступит. Дальше за тобой дело, Миша.

И опять тишина. И только через два дня, в шестнадцать часов ноль минут, запыхавшийся Федин принес радиограмму, перед закатом Мухалев припылил:

– Радиограмму изучил, капитан? Задание назначено на сегодня, – и добавил, как в прошлый раз: – Дальше за тобой дело, Миша.

Глава 7 «Юнкерс»

На закате и вылетели. На незнакомой машине, зато экипаж слетанный. Сзади за штурманским столом Алексей Морозов, старший лейтенант, с которым не один месяц уже летаем и в одной землянке живем. Сержант Климов, радист. Смотришь на него, например, за обедом – длинный, нескладный, соломенные вихры в разные стороны, хоть приглаживай, хоть не приглаживай. Стараются выглядеть бывалым, сдерживаются, а взгляд отчаянный, веселый – мальчишка. Давно ли Костиком назывался, но дело свое знает, хоть и ершится иногда, главное, на земле, не в воздухе. Галюченко, ефрейтор, бортстрелок, немолодой человек, необычный, но надежный, а это главное. И Проша. Без звания и опыта полетов. Не знаю, может, он вообще впервые в жизни в воздух поднялся. Однако ко двору пришелся и не чувствовался здесь, в кабине, чужим человеком.

Душная хмарь повисла к вечеру, но грозе быстро не собраться, когда три недели пекло стояло. Проскочим через линию фронта уже по темноте и дальше на Берлин двинем.

Летим в облачности плюс ночь, одно занятие – за приборами следить да размышлять. Штурвалом пошевеливать, конечно, изредка по плану курс менять. Хоть машина и новая, непривычная, но, как только гул двигателей пошел, сразу все на свои места встало. Думается уже не о том, какой тумблер переключить или надпись вяхиревскую успеть разобрать, а лезет в голову всякая ерунда. Бомба эта...

Проша перед пультом сидит, а бомба как живая, приборов больше, чем у меня и штурмана, вместе взятых. И все эти приборы словно шевелятся, подмигивают... Нехорошее от этого чувство, лучше бы груз спокойно в отсеке лежал, а ожил уже на пару километров ниже нас. Чего Проша ее тревожит? Просто возится от волнения. И чувствую – переживает он не от того, что который час над фашистами летим, что первый боевой вылет у него. Волнуется, как его изобретение сработает. Сумасшедший ученый, что с такого взять?

На хронометре четвертый час полета. Скоро и Берлин, зигзагом подходить будем, чтобы ПВО не засекала. Облачность внизу не плотная, но земли не видно – значит, нас и подавно. Звезды – вот они, на радость штурману. Приборы – приборами, а астрономия всегда поможет цель найти. Впрочем, Алешка уже в кабину бомбардира перебрался – отдельная кабина для управления бомбометанием на «ланкастере». Оттуда ему и наземные ориентиры искать привычнее – с носа, как на ЕР-2.

Благодушное настроение вмиг снесло, когда по Млечному Пути тень мелькнула. наших здесь быть не должно. Англичанин? Черта с два такое везение, наверняка немец. И бомберам немецким тут делать нечего. Вынимаю голову из песка – ночной истребитель, больше некому. Может, не заметит? Ага, идиот он, что ли? Мы под ним – на фоне облаков да при свете звезд, – как на ладони. И не подерешься – «ланкастер» у нас особенный, серьезно обезоруженный.

Кричу Алешке, сам – штурвал от себя, ручки газа вперед – хоть жидкая облачность, но в ней одна надежда. Оборачиваюсь, фриц уже на хвосте висит, рядышком, силуэт виден – Ю-88. Это над Москвой они бомбардировщики, а тут – ночные истребители.

Фашист очередь пустил и носом зарылся. Хвостовых пулеметов боится, отсутствующих. Англичанина в нас опознал. Неплохо, а то сшиб бы, будто на учениях – такую-то чушку: и нам не покрутиться, и ему не промахнуться. И Галюченко со своей верхотуры за оперением его не достать. Кладу вправо, можно в штопор влететь, черт знает, как этот «ланкастер» себя на больших углах поведет. «Полагайся, Данилин, на предыдущий опыт». Положишься тут – эта машина вообще ни на что раньше мной виденное не похожа.

Очередь стучит по фюзеляжу. Точно бьет, зараза. «Юнкерс» сделал новый заход – у него и скорость, и маневренность. А может, другой это – их истребители парами работают.

– Хана! – кричу. – Сбили!

Климов тоже кричит, что именно – не разобрать. Фриц справа заходит, но не видно ничего, я оглядываюсь, успеваю заметить только Прошину морду – в крови всю, а в окне – плексиглас в трещинах. Задело физика нашего. Но Проша не верещит и за голову не хватается – дергает свои переключатели еще быстрее, чем я штурвалом ворочаю.

– Падаем? – слышу его сосредоточенный голос. – Уже падаем?

Не визжит от страха – спрашивает. Тут до меня доходит, кричу:

– Алеха! Бомболюк!

– Замки в боевом.

Вот кто спокоен, когда работает, другой человек! Услышал его, и отлегло – значит, не зацепило штурмана.

– Сброс! – команду. И сразу лампочки у Проши почти все погасли.

Потом как в замедленной съемке пошло. В лобовом, не спеша, одна за другой, медленно-медленно дырочки появились. Одна... вторая... третья... Дырочки ровные, с просветом. Будто по линейке. Пулемет – отмечаю-раздумываю, словно не в мой колпак «юнкерс» очередь всадил, будто есть время думать... А пушка бы вдребезги разнесла... Светлеть начало. Так же медленно пули отрикошетили от Прошиной бомбы. По кабине плавно полетели искры. Оставляя прожженные дорожки на обшивке потолка и стен, каплями повисая на бакелите, взвизгивая и жикая о металлические поручни, панели приборов... Свет ослепил, заставил моргать. Горим? Даже в таком темпе искрам пора погаснуть.

Проморгался – свет никуда не делся. Свист из дырок в стекле, в ушах ломит. Поворачиваю штурвал, иду по дуге. «Юнкерса» не видно. Ни одного. Оторвались? Только куда они делись? Черт, голова, что ли, кружится? В глазах все плывет.

Медленно выравниваю, и «ланкастер» выходит в горизонтальный полет – не такая уж и чушка!

Похоже, оторвались. Далеко внизу плотный туман. Сплошная облачность – ни одного ориентира. Кажется или под нами море?! Да нет, лес. Душно, пот глаза заливает. Но небо спокойное, «юнкерс» куда-то делся, и почему-то вдруг наступил день.

– Что за место? – спрашиваю. – Ничего не понимаю... Алексей молчит. Плохой признак. Не знает, где мы?

Почему не знает? Панику сеять не хочет... Скорость падает... Прибавляю газу... машина почти не откликается на газ. Давление в левой магистрали у нуля! Перебило? Загоримся, раз топливо хлещет. Перекрыть подачу – дергаю кран. Правые моторы крутятся, и то хорошо. Садиться придется. Бомбу сбросили, задание выполнили и шлепнемся к фашистам?! Да какой садиться! Нет...

– Только мне в просветах мерещится вода? Много воды, – буркнул Алексей. – А моря здесь быть не может.

– Где ты увидел море? – огрызнулся я. – Туман сплошняком. Черт!

Штурвал тяну – нос еле шевелится, отпускаю – клюет пьяной курицей. Два двигателя отключены – это одно, но вроде как и аэродинамика поменялась. Бомболюк не закрылся? Воздух черпаем? Все, надо место искать для вынужденной, иначе плюхнемся где придется.

– Судя по влажности и туману, действительно можно предположить близость больших водных масс, – вдруг говорит Прохоров, медлительно так, будто гуляет по берегу Черного моря с собачкой и в белой панаме. – Или леса. Скорее джунгли...

Джунгли тебе... Или леса... Идиот...

– Товарищ капитан, – нудит тем временем Проша, – там, на горизонте, вода виднеется, а значит, может быть отмель, не обязательно же лес в воду сразу обрывается.

– Так точно, товарищ капитан, – рапортует Алексей, – Проша прав.

Проша-то прав... и Алешка прав... Галюченко сопит, в наушниках иногда слышно:

– Матерь Божия, Иисусе Христе...

А мне бы дотянуть. Командую:

– Штурман, отслеживай берег, тянем туда.

На всех парусах, всеми дырками в фюзеляже свистим вниз. Скорость падает. Туман рвется, внизу лес. Море леса. Да что мы, леса не видели... Куда ни глянь, везде шевелящиеся кроны, ни просвета. Полянку бы, хоть кустарник, по-тихому сверзиться, не в дерево лбом. Ни просвета. А высоту уже набрать не смогу, нет, не смогу.

Но ведь видели, почти видели – вода. Впереди повыше не холмы, но сопочка, как в Сибири бывают, может, за ней? На сопке елки уже видны отдельные – ярко-зеленые, у нас не такие. Высота падает – не удержать. Кусты, берег? Не дотяну. А! Была не была, деваться некуда! Пройду фюзеляжем по верхушкам, может, дотянем и не развалимся.

– Садимся! Вариантов нет. Аварийно!

– Есть аварийно, – откликнулся штурман.

– Есть, – сдержанно отозвался Галюченко. Проша – взглянуть некогда, а он кивает, наверное. Сосредоточенно нахмутив брови, глядя куда-нибудь в свои приборы, будто там формула нашего спасения пропечатана. Или его машины.

Вот они, верхушки деревьев! Гашу правые моторы, и будь что будет. И тут перемахнули через сопку, за ней обрыв, и ниже – берег, настоящий широкий пляж. Пришлись на него наискосок. Подправляю чуть, обрыв позволил, подарил метров двадцать высоты, касаемся песка... сядем, нормально сядем!

Воздушные тормоза, элероны на полную, тормоза колесные без пользы по песку. Катимся, подпрыгиваем, не опрокинуться бы. И тут только понимаю, что пляж-то сужается, джунгли к морю выходят. Все равно конец, не в лепешку об стенку, так вокруг дерева обернемся! Все! Грохот, ветки в стекло, трясет и мотает, как в мясорубке. Сок зеленый через пулеметные дырки в кабину бьет. Сейчас как в какую-нибудь елку!.. Нет, тормозимся, не видно ничего, по звуку – замедляемся. Точно замедляемся! Свет резкий зеленый, встали...

Глава 8

Ботанический сад

– Я бы сказал, что перед нами гинкго, – протянул Проша. Растерянно хохотнул и прилип носом к иллюминатору.

– А по-моему, обычная пальма. – Алешка встал и проверил кобуру с пистолетом.

Лес, окружавший нас, был непривычен, полон стройных елок, похожих на кипарисы в Ялте да на Прошины гинкго.

– Не-ет, – протянул наш зануда, – видите, лист у нее развернут ребром к солнцу.

– Твою же мать, – тихо выругался я, разглядывая в иллюминатор непролазную чащу.

Куда мы попали? Почему день, если летели ночью? Были на подлете к Берлину, значит, скоро нарисуются немцы. И убраться по-быстрому не удастся. Попробуй уберись, когда лес перемолочен в кашу и ты посреди этой каши. Но убираться надо, машину осмотреть и вокруг осмотреться не мешало бы, что за место такое. И добавил:

– Оружие к бою.

Вынул табельный ТТ. Открыл закрасившийся зеленым травяным мусором иллюминатор – так, чтобы и выглянуть, и ствол высунуть. Оттуда как в лицо ударило, обожгло – жара несусветная.

– А-а! – вскрикнул Алексей.

– Летучие мыши какие-то, – отмахнулся добравшийся до нашей кабины Галюченко.

В окошко забралась тварь, голая, крыластая, перепончатая, с клювом, страшная, мама не горюй. Следом лезла, цепляясь когтистыми лапами за обшивку, еще одна.

– Задраить форточки и люки! – кричу.

Задраили, сидим. Выбитый иллюминатор Алексей курткой заткнул, задумчиво сказал:

– Читал, что у фрицев в ботаническом саду, в Берлине, всякое водится. Оно и понятно, почему бы таким не водиться у фрицев, в самый раз.

– Получается, приземлились вслед за бомбой, – ответил я. – Сейчас шарахнет, Прош, или подождет твоего указания? Хотелось бы, чтобы подождало.

Мы сидели, прилипнув к окнам, в фюзеляже, нагреваемом почему-то все сильнее, а то, что удавалось разглядеть за иллюминаторами, совсем не казалось окрестностями Берлина.

– Рамфоринхи? Или птеродактили? – говорил между тем Проша, будто не слыша мой вопрос. – Насколько я помню, и те и другие могли быть небольшими. И все они, как ни странно это сейчас звучит, давно-давно вымерли. Но выглядят очень живыми.

Да уж, определенно живые. В иллюминатор буцкнулось существо и теперь сползло, приплюснувшись и повернув голову. Оно сглотнуло, жрать хочет. Кого? Ясное дело, меня, кого же еще. Маловата будешь, обожрешься ведь. Разве в наше время такие водятся? Кажется, я таких тварей в Большой советской энциклопедии видел. Мозг выдал паническую дробь: «Рамфо... кто?! Твою мать! Куда мы попали?!» Однако я слизал с губ пот, катящийся градом, и твердо произнес:

– Штурману определиться с местонахождением. А ты, Прохор, давай докладывай все известное о Берлинском зоопарке.

– Есть хочется, – невпопад вставил радист.

– Да нет, не зоопарк это, – виновато протянул Проша. – Ну что вы, какой же это зоопарк? Где же аллеи, вольеры, наконец? Нет, это дикий лес. Да и не держат таких зверей в клетках, говорю же, вымерли они. Мне кажется... мы ведь хотели Гитлера в прошлое отправить... машиной времени. Мы с вами машину времени везли. А вот так интересно получилось – сами здесь оказались.

Я даже не нашелся, что сказать. Интересно получилось! Детский сад на прогулке. Сейчас экскурсия закончится, сядем в автобус и домой поедem или попутку поймем... Эх, Проша, Проша. Вот оно откуда чувство, что немцев нет поблизости... Машина времени? Прошлое, говоришь?

– Галюченко, доложи обстановку сверху, – сказал я, прикинув, что он повыше сидит. Ну, какая-никакая высота, начинать с чего-то надо.

– Есть доложить. – Галюченко исчез в своей верхней будке. Крикнул оттуда: – Лес, товарищ капитан, кругом лес! Противника не наблюдаю. Но и не видать ничего.

Немцев не видно, это отлично... Лес... Но почему светло-то?!

Прошлое... Может, физик ошибается и мы вообще на том свете?! Черт. Сбили ведь нас. Может, нам только кажется, что мы живые? Ржем сидим, елки разглядываем... а только что ведь темно было. Наверное, в раю, раз светло. А физики в рай не верят, поэтому Прохор и молотит про прошлое... Вот откуда точно не возвращаются. Мороз по коже. Стало не по себе от этой мысли. Я посмотрел на экипаж.

И рассмеялся – стоп! А Константин про покушать-то не забыл! Я перевел дух. Нечего тут панихиды разводить, – одернул я себя и скомандовал:

– Галюченко, прикрываешь сверху из своей будки. Остальные – выходим, осматриваемся, радист выдвигается к хвосту, штурман – к носу. Я выхожу замыкающим. Сразу докладывать обстановку. Прохоров в фюзеляже остается.

Мы осторожно выбрались из люка. Константин стал пробираться через завалы направо, Алексей – влево. Да, ни души вокруг. И жарко, будто вошли в парную. Морды у нас, в полном нашем летном обмундировании, красные и хмурые. Я видел, как вокруг Алешки закрутились какие-то насекомые, мохнатые и веселые – судя по их пляске.

Подозрительный лес звенел подозрительным звоном. Раздался утробный длинный рев. Порадовало, что издалека. Но ему ответил другой. Голые крылатые твари носились с криками над «ланкастером».

Как-то сразу стало понятно – не ошибся Проша. Нет здесь никаких немцев, только проблем от этого меньше не стало. Я пытался осмотреться, но сквозь зелень много разглядеть и не удавалось. Лес стеной. Я сплюнул. Черт бы побрал этот лес! Машину надо поднимать, вот удастся ли...

Но не так все плохо оказалось на первый взгляд. «Ланкастер» стоял на шасси – это очень хорошо. Но стоял, подгребя под себя мясистую, напоминавшую силос массу, въехав в нее всей тушей, что уже хуже – как теперь из нее выбираться, спрашивается. Похоже, растительность здесь пусть и высоченная, но мягкая. Когда садились, самолет смял ее фюзеляжем в кашу, не получив видимых повреждений. Ну и спружинило на последних метрах, что немаловажно, а то пробороздили бы вон до тех елок – совсем недалеко от носа «ланкастера» росли частоколом высоченные деревья. Просто повезло в такую гущу сесть.

Я приказал Галюченко спускаться, раньше его из люка выбрался жизнерадостный Проша.

Взглянул на экипаж – все по местам, как приказано, похоже, только один я стоял и глазами хлопал, но пора бы уже определиться, что делать. Н-да. А что делать, это вопрос.

– Немцев, похоже, нет, – сказал я. – В охранении остается Галюченко. Мы с Морозовым осматриваем машину, Климов – назад в «ланкастер», проверяешь состояние рации. Проша...

А Проша уселся рассматривать какой-то куст особо ядовитого цвета. Пусть сидит, какая от него польза? Но физик тут же вскочил и двинулся вслед за нами.

Пробравшись через травяной заслон, держа ТТ наготове, мы обошли вокруг фюзеляжа и обнаружили за ним целую просеку. Точнее, сразу за самолетом открытое место выглядело как заваленная буреломом поляна. Сколько метров мы так по лесу пропахали? Ну да потом посчитаем, сейчас главное – машина. А вот ее крепко все-таки англичане построили – стоит среди кустов почти целехонькая. Если и были где повреждения, то в глаза не бросались. Дырки

в плоскостях – это да, их мы сразу заметили – «юнкерс» постарался. Но разворочено не вдребзги, может, набор крыла и не пострадал слишком сильно.

Подошел Климов:

– Рация проверена. Исправна. Только не ловит ничего.

– Так как же она исправна, когда не ловит? – возмутился штурман.

Но осекся, посмотрел на Галюченко, стоявшего тут же, у хвоста, с пулеметом, потом на Прошу, опять на Климова. Действительно, если все, как обрисовал Прохор, то чьи передачи слушать? Птеродактилей? Наверное, чтобы скрыть свой конфуз, Алешка разгреб руками ветки и забрался под фюзеляж. Крикнул оттуда:

– Бомболюк открыт!

Мы с физиком тоже полезли в гущу. Рядом с люком валялась помятая серая жестянка, в которой только Проша смог узнать боковину своей машины.

– Как же так? Она же работала? Как же могла развалиться еще в самолете, если сработала? И что с заданием? – растерянно засуетился он, схватив жестянку.

– Да ладно, – попытался ободрить его Алексей. – Может, зацепилась сначала, обшивка отлетела, а остальное в целости осталось.

Проша согласился, хотя, наверное, только чтобы отвязались. А нам было не до его машины, мы подтащили подходящий обломок и полезли на крыло. Здесь разрушения выглядели посерьезнее. В одной из пробоев виднелся разорванный бензопровод – вот оно, почему левые моторы глушить пришлось. Задет фонарь кабины – иллюминаторы какие выбиты, какие в трещинах, сколько – потом посчитаем. В общем, ремонт совсем не маленький требовался. Ну а на что мы рассчитывали? Что в джунгли свалимся и тут же к полету готовы будем? Это вряд ли.

Н-да. Разбитые иллюминаторы, порванный бензопровод, обшивка, особенно на плоскостях, дыры по фюзеляжу, клепать, менять... По всем раскладам получалось, что вернуться домой нам будет непросто. Ботанический сад в центре Берлина «отменяется ввиду всякого отсутствия правильности и упорядоченности, характерных для парковых зон и вольеров», как туманно сказал Проша. Поэтому надеяться нам не на кого, а самолету надо обеспечивать ремонт и взлетную полосу, значит, вставать на довольствие здесь все равно придется. Значит, еда и вода – задача номер один. Вот и получается, что надо заниматься ремонтом, а будешь заниматься черт знает чем. Я с тоской посмотрел в небо, в котором мельтешили и кувыркались эти странные голые твари. Их визг не прекращался ни на секунду.

– Экипаж, слушай мою команду, – сказал я в спины уставившихся на порванный бензопровод Кости и Алексея.

Они повернулись, Галюченко высунулся из-под крыла. Проша обнаружился поблизости, с зажатой под мышкой жестянкой. Лица кислые, оно и понятно.

– В связи с ремонтом приказываю разбить лагерь. Это задача первоочередная. Науке и штурману – определиться с местонахождением... и временем пребывания. Похоже, время пребывания – вопрос тоже актуальный. Галюченко – устройство на ночлег и кухня. НЗ раздавать буду, только если никого не поймаем. На разносолы силы не тратить, бросать в котел что под руку подвернется. Радист и я займемся латанием дыр в буквальном и переносном смысле. Галюченко, песни в неразведанной местности не распевать.

– Есть не распевать, – ответил очень по-деловому Петр Иванович.

...Но что с него взять – пехота. Их полк сильно потрепало, отправили на переформирование, а он давай в легчики проситься. В небо, говорит, хочу. А с писарями, настойчиво так поясняет, контакт налажен, договорюсь, чтоб оформили, если возьмете. Наши долго тогда смеялись, но взяли. В стрелки. Стрелок – он что, лишь бы стрелял метко да не испугался, когда мессеры снизу заходят. Место в экипаже было... было место... Перед этим мы нашего Цыгана

потеряли – Ваньку Цыганенко. Одна-единственная пробоина в фюзеляже, и как раз на уровне его кабины...

Принялись растаскивать завалы вокруг «ланкастера», но работа подвигалась медленно. Все отвлекало, было чужим и непонятным. Доносившиеся из леса вопли, трубные, будто вылетающие из огромной луженой глотки, заставляли экипаж чертыхаться и хвататься за оружие. А Петр Иваныч напряженно следил глазами за роем больших насекомых.

– То ж разве ж комары, то ж... – бортстрелок искал слово, – колибри какие-то.

Над нами вилась целая стая перепончатых. С длинными голыми шеями, противные и почти лысые – будто змееныши с крыльями. Все небо над нами, казалось, кишело ими. Они визжали, кувыркались, снижались, с криком пикировали на нас. Особенно они раздражали штурмана, но и остальные постоянно бросали взгляды вверх.

– Я даже не припомню, кровожадные или нет эти твари? Из истории Древнего мира? В тропиках? – сказал штурман, глядя на прыгающего над ним перепончатого. Обычно непроницаемая физиономия его раздраженно прищурилась.

– Они разные, наверное, бывали, – рассудительно ответил Проша. – Не стоит, Алексей.

Алешка вдруг выставил указательный палец, направив его в змееныша, плясавшего у него над головой. Тот мигом сориентировался, разинул серо-зеленую глотку и ринулся на палец.

– Отставить! – рявкнул я. – Отставить совать пальцы! Ну не придурок ли, а!

– Точно кровожадная тварь, – буркнул Алексей, отходя от нас, и начал полоскать руку в какой-то луже. Появилась кровь. – Значит, кровожадная, так и запишем. Вот кого будем жарить на завтрак. Только кто же такого есть захочет, крыса с клювом и крыльями, зеленая и... ворсистая. Тьфу ты.

– Жалко, – улыбнулся Проша, – никто их не видел вживую, а мы видим. Можно сказать, исторический момент. Рану надо бы обработать, всякое может быть.

– Про исторический момент хотелось бы подробнее, – сказал я и приказал Алексею: – Возвращайся на борт, там аптечка. Еще не хватало... тут нам, – закончил я невразумительно и разозлился: – А в этом историческом моменте есть нам все равно придется! Ну, Петр Иваныч...

Галюченко тоже поднял указательный палец. Тварь ринулась на него. Петр Иваныч свободной рукой перехватил змееныша за шею, одно движение, и зеленому конец. Мы и рты разинуть не успели, а тушка величиной с голубя, в кургуzych перышках, сквозь которые просвечивала кожистая перепонка, уже не трепыхалась.

– Завтрак. – Круглое лицо бортстрелка расплылось в довольной улыбке, он подмигнул Климову и строго уточнил: – На одного тебя, Костя. А вот если из пулемета моего пальнуть...

– Я это есть не буду, – буркнул Костя, разглядывая тварь в руке бортстрелка. – Надо поймать... зверь... на завтрак.

– Отставить «не буду»! Действовать придется по ситуации, а пока в наличии только этот... зверь. На поиски другого провианта времени нет, первоочередная задача – выбраться отсюда, – сказал я не очень внушительно. Вид возможной еды и у меня не вызывал аппетита, прозрачные перепонки у существа обвисли, бугристая кожа да кости.

– Есть действовать по ситуации, – кисло отрапортовал радист.

Но даже думать не хотелось, что здесь придется завтракать. И ночевать?! Под ногами бегали двуногие ящерицы, попискивали, деловито что-то тащили. Растительность буйная, душная напирала со всех сторон. Парило. Пахло влажностью, болотцем, маревом травяным, но не как пахнет в хорошем лесу средней полосы, чистым духом, которым не надыхаться. Здесь все было не так.

Я видел, как Проша с безумными глазами скакал по бурелому, произведенному «ланкастером». Галюченко застыл в позе Зверобоя, опершись на сук, время от времени он принимался отмахиваться от кружащих над нами визгливых тварей. Климов почему-то смотрел

почти неотрывно под ноги. А Алексей пытался перевязаться. Придавил локтем отмотанный конец бинта и накручивал его на палец, как на бобину. Я подошел к штурману, видя, что палец уже в профиль и анфас похож на осиный улей, оторвал бинт и завязал.

– Жаль, все запасы перевязочного материала смотать не успел, – пробормотал я, но голова была занята другим.

Думать серьезно о ремонте самолета не получалось. Мысль все время возвращалась к этому простому слову «прошлое». И становилось не по себе. Необходимо было для начала определиться, где мы.

Пока бороздили, падая, над этим местом, прошли скалы, значит, естественные высоты остались в стороне. Я поискал глазами дерево повыше и устоялся на одно, которое стояло на самом краю образовавшейся посадочной полосы и чудом оказалось не задето. Дерево походило на развесистую елку, возле него кружил сейчас физик, разглядывая то ли гигантского клопа, то ли блоху, как он оповестил всех минуту назад. Тут Проша вернулся на землю и крикнул с совершенно счастливым видом:

– Надо забраться на самое высокое дерево! Все нормальные люди так делают, оказавшись на необитаемом острове, чтобы определиться, как все обстоит вокруг.

Галюченко кивнул:

– Добре.

– Тут не поспоришь, это, наверное, единственное, что сейчас можно предпринять. – Алексей сидел на ступеньке трапа, мрачно глядел на всех, держа перевязанный палец вверх. – Может, через пару километров, например, стоит себе автобусная остановка. Или городок какой завалящий. А мы тут бивуаком встанем, как те папуасы.

Да, экипаж растерялся. Раньше бы Алешка доложил, разложил все по полочкам, а теперь: может... наверное... папуасы эти. Полная растерянность. Мы только несколько часов в этом месте. А как взлетать будем?

– Как следует из четкого рапорта штурмана, – сказал я строго, – для разрешения вопроса о местонахождении надо забраться на дерево. Разведчиком-верхолазом назначим сержанта Климова. Задача, Климов, набросать план местности. Определить, есть ли населенные пункты поблизости, реки, озера. Как сумеешь, ну, на географии все в школе рисовали. А мы уже тут сверимся по нашим картам.

Климов оторвал глаза от земли. Его вспотевшее лицо было серьезно.

– Есть в верхолазы! – ответил он.

Глава 9

Климов лезет на дерево

– Ты, Константин, осторожно там, наверху. Может, птеродактили не любят, когда на их деревья взбираются, – напутствовал Алексей, вручая радисту собственный планшет.

Верхолаз похлопал ладонью по кобуре, перебросил планшет за спину и стал лезть наверх, как на какой-нибудь тополь или клен. Хватался за лианы, мох, висевший паклей, чертыхался, отбиваясь от крупных, с фалангу, мух, больше похожих на блох. Забрался уже высоко. Несколько раз попытался нам что-то крикнуть, но было не разобрать. Потом раздались выстрелы, сначала пистолетные, потом, неожиданно, винтовочные – с земли. С верхушки посыпалась труха, с треском свалилось бревно, едва не задев Прошу с его блокнотом, и зацепилось в расщелине дерева.

Бревном оказалась огромная змея метра три длиной. – Анаконда, что ли? – пробормотал Проша, глядя на хвост, покачивающийся перед его носом. – Дохлая.

– Костя! Цел? – закричал я.

– ...а... а... о ...е! – донеслось сверху.

Я перевел это как «хорошо все». Обернулся к Алешке, но там оказался вооруженный трехлинейкой Петр Иванович.

– Ты стрелял, что ли?

– Та кто ж еще? Если здесь прошлое, товарищ капитан, то винтовка Мосина поди одна на всей Земле сейчас, – ответил Галюченко, привычно ввернув украинское слово.

Винтовку хозяйственный мужик как-то ухитрился присвоить, еще переводясь с прошлой, пехотной, службы. Так и возил с собой на каждое задание. Спрашивали – зачем? А если пулемет поломается? И то правда, винтовка Мосина – неломучая штуковина и по пробойной силе даже посильнее ШКАСа, при тех же самых патронах. Вот, пригодилась в совсем неожиданных обстоятельствах.

– А почему не из пулемета? – встрял Проша.

– Так як же из него прицелишься точно? А там, на ветке, Константин до сих пор сидит.

С этими словами Петр Иваныч деловито потянул трехметровую «колбасу» вниз.

– Не ядовитая, не? – посмотрел строго он на Прошу. Ну, Петр Иваныч, вот хозяйственная хватка, будто всю жизнь змеи огромные на него падали.

– Питоны не ядовиты, – замороженно сказал Проша, не отводя глаз от продырявленной змеиной головы размером с его собственную голову.

– Завтра можно не охотиться. Потом стухнет, це жарища адова.

– Почему, Прош, ты решил, что питон-то? – спросил я, помогая бортстрелку складывать в бухту кольца змеи, изо всех сил делая вид, что мне раз плюнуть сворачивать этого червяка гигантского, мясистого и вихляющегося, будто толстенный канат. И зло рявкнул: – Первоочередной задачей является выбраться отсюда, отставить «потом»!

– Есть отставить «потом»! – вытаращил на меня глаза Галюченко, в руках его уже был хвост. – Так что? Бросаем, что ли? Столько еды!

– Не бросаем, но и оставаться здесь дольше, чем того потребует ремонт машины, не планируем.

– Есть не планируем и не бросаем! – пряча усмешку в усы, ответил бортстрелок.

Чушь несущую, конечно. Какой ремонт, если все вокруг так, как говорит Проша, но и смириться с тем, что тебя выкинуло куда-то, куда ты и представить себе не мог, не так-то просто. В голове не укладывалось. И народ, я видел, молчал, держался, но глаза-то, глаза шальные. Еще змеища эта.

– А ядовитых рептилий тогда не было, точно помню. Они позже появились, – разъяснил между тем Проша.

Костя повис на нижней ветке на одной руке, раскачался и спрыгнул.

– Маугли. – Петр Иваныч улыбнулся, глядя на радиста. Костя молча отряхнулся, за метр обошел кругом змею, сложенную бухтой, вытер локтем пот на лбу и неожиданно ехидно сказал:

– Вот как ты, Петр Иваныч, цивилизованный человек ведь, в Бога веришь иногда, несмотря на линию партии, когда особо прижмет, и собираешься змею есть, экипаж ею кормить?

Константин отчего-то завелся. Н-да, на Маугли, что ли, обиделся.

– Это ничего, – стал зачем-то оправдываться Галюченко. – К нам в село лектор приезжал, рассказывал про нации разные. По его выходит, китайцы змей всюю едят и очень даже уважают это кушанье.

– Так ты же не китаец, я тебя вообще-то украинцем считал. Ну-ка, сощурь глаза! – говорил Костя нехорошо, цеплялся, а Галюченко улыбался, но было видно, что он обижается.

– Эх, Костя, совсем забыл ты, где находишься. – Галюченко с досадой отвернулся от радиста, но пытался еще отшучиваться, принялся собирать ветки, снял гимнастерку, отбросил в сторону. И продолжил: – Видно, в школе ты, как Сашко мой, любил только пение и физподготовку. В доисторические времена не было китайцев, украинцев, даже тебя, Костя, не было. Каждый за все нации одновременно. А мы сейчас где? Там и есть, в доисторических временах. Значит, мы и есть и китайцы, и не китайцы, – вздохнул бортстрелок и хитро добавил: – Но за то, что ты помощи не ждал и сам из ТТ отстреливался, я тебе птеродактиля испеку. Вместо змеюки. Если хочешь.

А радист вдруг выдал:

– С детства змей боюсь. А тут такая болванка на тебя сверху прет.

И рассмеялся.

Картина прояснилась, кажется. Ну, кто в детстве червяков не боялся, зубы сцепишь и не боишься, ясное дело. Галюченко с уважением сказал:

– Точно испеку. За вредность.

Я сидел, уставившись в планшет, в Костины каракули, Алешка забрался на «ланкастер». По крылу расхаживал, гремел. Слышно было, как он чертыхался. Крикнул оттуда, что у одного из «Мерлинов» крепежные винты срезало, а в первый заход мы не заметили.

– А это у тебя что за посадки капусты, Костя?

Я пытался разобраться с наброском, который Константин сделал, восседая на дереве. Если этот крест означал «ланкастер», то что означали точки, понатыканные по прямой от него? Овал в левом нижнем углу мог быть озером.

– Головы, – пожал плечами Костя, – вроде как у тех, кого в Плутонии называли диплодоками. – Костя посмотрел на Прошу, тот внимательно слушал, загнав очки на лоб. – Головы маленькие, шеи тонкие, листья с верхушек щиплют, а лес там пониже, их хорошо видно.

Плутония, значит. Если речь пошла о головах над деревьями, то сомневаться уже не приходится, подумал я. Взглянул на Алешку, тот угрюмо сидел на краю крыла «ланкастера» и слушал. Посмотрел на меня, выдохнул зло.

Проша принялся перерисовывать набросок в дневник. – Эти не опасны, – улыбнулся он, – лишь бы их кто-нибудь не спугнул и они не рванули сюда. Места живого не останется. По-хорошему, убираться надо, любой трицератопс или стегозавр или эти трехэтажные коровы сомнут самолет, Миша.

Я молча кивнул. Сам знаю.

По наброскам радиста получалось, что на юго-востоке среди крон наблюдались скалы – они тянулись вихлястым пунктиром вдоль правого края листа, там же отмечены треугольниками вулканы, две штуки. А дальше лист был чист.

– Торчат один за другим, оба дымят, лава ползет из того, что справа, – сказал радист, когда я ткнул в треугольники и посмотрел на него.

– А пустое поле? Больше у тебя ничего не отмечено, почему половина листа чистая?

– Море. До самого горизонта море! – Климов взмахнул руками. – И здесь, и дальше вдоль пляжа, и там, за лесом.

– Море, говоришь? Так и запишем – до самого горизонта море, – сказал я.

Море, значит. И диплодоки, и Плутония. Вот так влипли, а могли закончить войну одним махом.

– Что не отменяет ремонт машины, – добавил я притихшему экипажу.

Подумал про себя, что, если обратно из этого странного места выбраться не удастся, будем летать на «ланка-стере» на рыбалку, пока топливо не кончится, но вслух этого не сказал.

Я полез на «ланкастер» к Алешке. Говорить не хотелось. Внизу разговор тоже вскоре стих. Только Галюченко, разводя костер, обращался между делом то к дохлomu птеродактилю, то к голове питона, то к мелкой шустрой твари, подбегавшей на двух ногах к костру совсем близко. Ласково обращался:

– Ошпаришься, хлопец. Не маши крылышками, в суп угодишь.

Голове же он сообщил, что мы не вернулись домой вовремя, пропустили банный день, и ефрейтор, соответственно, остался без чистой рубашки.

Проша ходил по периметру поваленной просеки и что-то отмечал в своем блокноте. Константин проверял приборы, слышно было – вновь и вновь пытался запустить рацию, выцепить что-нибудь из эфира. Но вскоре бросил это дело и полез на помощь к нам. Потом забрался сюда и Прохор. Вдруг он подскочил и со словами «я же видел» бросился обратно на просеку. Подались за ним и мы, очень уж заволновался наш физик. Он добежал до большого завала и начал его разбрасывать. Тут и мы принялись растаскивать сучья. Не возились и двух минут, как среди подвядшей листвы обнаружилась сброшенная нами на Берлин бомба.

– Тэ-экс, а она-то как сюда попала? – протянул штурман.

– Наверное, бомбу створкой бомболюка заклинило, – сказал я, – а когда трясло при посадке, вывалилась. Понятно теперь, почему «ланкастер» перестал рулей слушаться – и аэродинамика нарушилась, и развесовка.

– И нас с собой поэтому утянула, – добавил Климов. Слышал ли Проша наши разглагольствования? Надо было видеть его физиономию в этот момент, ну как можно выражать сразу и разочарование, и радость? Получалось, бомба не сброшена, задание не выполнено, по факту вместо Гитлера вывалились в другое время мы, но оборудование-то с нами. Все это смешалось на его лице, он то хмурился, то улыбался. Сунул голову в отверстие, оставшееся от сорванной панели, потом выбрался и запустил туда руку. Пробормотал:

– Дверцы до конца не раскрылись, вот и зацепилась. Только как ее теперь к самолету тащить? Она здесь, а самолет там?

– Ничего, – пожалел его Галюченко. – Из бревнышек катки сделаем, вагами подтолкнем, доставим в целостности и сохранности.

Но Проша немедленно побежал в «ланкастер» и отыскал в нем кусок брезента. Стал закутывать свою машину от дождя. Брезент был маловат, закрепить его не удавалось. В конце концов согласился с бортстрелком, говорившим, что железным крышкам дождь не страшен, укрывать нужно только там, где щели и разные дырки.

Так до вечера мы и осматривали то самолет, то вдруг нашедшуюся Прошину машину с перерывом на ужин из змеи. Пока совсем не стемнело.

Радости от неожиданной находки надолго не хватило, и к вечеру настроение упало окончательно. Что нам теперь от нее, от этой помятой машины времени? Приходилось признать, что мы в совершенно первобытной местности. В придачу живность здешняя к ночи активизировалась настолько, что хотелось стать подводной лодкой. Задраить люки и залечь на дно.

Утром поднимаешься, а ты опять в землянке, на аэродроме нашей дальней бомбардировочной авиации. Темно, душно, и за стенкой слышится, как на кухне котлами гремят... комэск вызывает... приказ... и ты в небе... замки в боевом... сброс... полетели бомбы на головы фрицам... ты нужен. Да... Но еду и воду мы уже нашли, не сдохли и не собираемся, а что еще нужно, если ты оказался в таких местах, что дальность в километрах уже не имеет значения?

Глава 10

О птеродактилях и карандашах

В школе я зачитывался «Плутонией» Обручева, да кто ей не зачитывался? Книжка ходила из рук в руки, на ночь давали друг другу почитать. Мечтали попасть в такую страну, к мастодонтам с динозаврами. Ну вот, попали, и зачем нам теперь эти динозавры? Нет, на вкус-то они вполне съедобные. Не курятина, конечно, жестче и жилистее, но съедобные. Почему – Галюченко сразу объяснил, недаром он из села, из Винницкой области, да и вся родня его там, в оккупации, то ли жива, то ли нет.

Курица, разъясняя бортстрелок, ничего не делает, только клюет да кудахчет, оттого мясо у нее и мягкое, а если бы ей летать приходилось да зерно по одному искать, была бы жилистой, не хуже лошади. Логично изложил бравый ефрейтор.

Кстати, не только изложил, но и кормежку нам, городским недотепам, организовал. Здесь, в кустах, птеродактили толпами гнездились. Гадость, конечно, но голод не тетка. Змеито мы много заготовили, да в этой жаре уже к утру от нее такой дух пошел, что остатки пришлось подальше от лагеря уносить.

И Галюченко, как и обещал, в поход собрался. Бережливо свернул и сложил обмундирование, сварганил себе юбку из местного, давно вымершего сена и повязал ее на манер папуасовой. Пулемет с турели снял и через некоторое время вернулся со связкой дичи. Вчера мы не особенно и поняли, что за дичь, уже по сумеркам полусырую поедали, да и оказалось, что на месте посадки мелкие экземпляры вились. А эти – килограмма по три птички – то ли в пуху, то ли в перьях недоразвитых. Галюченко их выпотрошил и в глине запек. С краю подгорело, в середине сыровато, но слопали за милую душу. И не зря он столько их наловил – с виду птичища большая, а мяса – чуть, одни кости да перепонки.

Костя не преминул привязаться к бортстрелку:

– Скажи, Галюченко, ты ведь с пулеметом своим охотился, грохот в чаще стоял, аж шишки с яблонь падали. Почему в твоей добыче дырок от пуль не наблюдается?

– Та ни, не из пулемета, – отмахнулся Галюченко.

Но отмолчаться ему не дали. Выяснилось, что попасть из штатного ствола по птеродактилю труднее, чем по «мессершмитту». Пара очередей – только деревья в щепу, а никакого толку. И перешла охота в тихую фазу. Знай петли вяжи. Перепончатые оказались достаточно глупыми и лезли в силки не глядя. Впрочем, откуда им знать про то, что веков так за сто до нашей эры изобрели и веков так через тысячу после их эры изобретут. Где шнурок на силки взял хитрый бортстрелок, мы сразу и не поняли. Потом только выяснилось – кант оторвал, тот, что по низу гимнастерки идет. Приладил петлю к тонкой ветке – вполне себе рабочая ловушка получилась.

Физик подлил масла в огонь:

– Да, из пулеметов по птеродактилям – это как из пушки по воробьям, в буквальном смысле слова.

Получил укоризненный взгляд бортстрелка за насмешку, мол, «от тебя не ожидал, парень».

– Силки – это вы здорово придумали, – сказал физик, краснея.

Бросился помогать, но больше мешал. И вспомнил, как читал где-то, что корейцы из папоротника салат делают. Не из такого папоротника, который во времена динозавров рос, но и этот мы потом все равно употребили. Молодые листья вполне съедобными оказались, не зря птеродактили ими закусывали. Хвощи тоже попробовали. Выжить, наверное, можно на некоторых, но по своей воле есть их больше не тянуло.

Проша, чудака-человек, похоже, был единственным из нас, кого необычная провизия нисколько не смутила. А может, не обратил внимания, голова была другим занята? И вчера уже к вечеру экспроприировал у нас все карандаши и планшеты. Сказал, что нужно вести дневник, что просто не имеет права не вести его. И стал записывать все о нашей посадке в Юру, – так он ее назвал, хотя, прибавил восторженно, что, может, мы оказались не в юрском, а в меловом периоде. Вперемежку с описаниями природы в его дневнике шли непонятные формулы и расчеты. Кроме того, физик сказал, что надо изучить ландшафт. И это предложение Проши больше походило на ультиматум.

– Потом мне спасибо скажете. А может, и воду повкуснее найти удастся, – выдал он и выжидательно уставился на меня, вытянув шею из-за Галюченко, сложившего губы трубочкой и дувшего на ложку. И застывшего теперь так, скосив глаза на соседа.

Облупившийся нос Проши, светлые настырные глаза из-за очечков, майка, повязанная на манер платка, – все это будто с укором смотрело на меня, замершего с обглоданной костью в руке возле костра.

Куда идти в этих непроходимых джунглях?! Зачем? А как же мечты, Плутония, мастодонты? – одернул я себя. Мещанское мировоззрение. Что ты сюда – жрать приехал? Но мозг настырно не давал проходу заблудившимся детским мечтам. Дело надо делать, думать, как бензопровод починить. Некогда в таинственный остров играть. Да и кому это надо?! Наши дневники? Сумеет ли мы вообще когда-нибудь что-нибудь рассказать? Выбраться сумеем? Если я еще надеялся поднять «ланкастер» в чертово чужое небо, то дальше даже думать не хотел. Дальше дело за Прошей. Говорил, надежда есть. Может, есть. А может, врал и не моргал, поди разбери его. Воду повкуснее! Не до этого, совсем не до этого, задачи важнее есть. Но, честно говоря, вода из озера, вонявшая тухлыми яйцами и названная Костей с ехидцей «Ессентуками», уже начинала лихорадить экипаж суетливым посещением кустов. Я зло сказал:

– Аргументируй.

Проша вздохнул и обвел нас улыбающимся взглядом. Я вдруг понял, кого он мне все это время напоминал. Щенка. Рослого, на длинных мосластых ногах, зубастого, с умными глазами, но щенка. Потому что добрый, ну просто безобразия, какой добрый. Вот бежит по дороге и тычется во всех этой своей добродушной мордой, и никто ведь ему отказать не может. А порой возьмет и тяпнет, прикусит. Вот как сейчас.

– Ну, что за смешные люди! Когда вернетесь, вам какой вопрос первым зададут? Правильно, почему вы так долго пробыли на вражеской территории?

Я отвернулся. Прав он, черт побери. А Проша разглагольствовал:

– Поэтому нам надо собрать отчет о том, в каком месте мы оказались.

– Гербарий, что ли, собирать будем? – сучающе протянул Алексей.

– Чучело набьем... змееныша, – прищурясь на дым от костра, сказал Петр Иванович.

– И чучело не помешает, – согласился нехотя Проша и уточнил: – Одно. Образцы растений, обитателей моря. И карту, карту местности, звездного неба...

Детская затея, конечно. Ну зачем все это? Гербарии, образцы. Но... Он, может, диссертацию потом защитит на этих мотыльках и бабочках, черепках от птеродактилей. Нет, он же физик. Может, книжку напишет. Сидит сейчас перед нами будущий Обручев, а мы над ним ржем.

– Я не нахожу Ригель, и Плеяд нет, – вставил Алексей. – А небо ясное между тем. Сегодня полночи не мог уснуть.

– А их и не должно быть здесь, насколько я помню, это молодые звезды, – неожиданно для себя сказал я, – помню, это меня тогда, в школе, особенно поразило, когда наша Прецессия Ивановна выдала, что динозавры жили под другим небом.

Проша прямо-таки расцвел:

– Алексей, буду просить тебя набросать карту звездного неба.

– Будет сделано. – Чувствовалось, Алешка был доволен, об этом он мог говорить бесконечно.

Однажды он как-то рассказал, что иначе штурманить мечтал – на морском флоте по звездам ходить. А записался в аэроклуб потому, что аэроклуб при мореходке организовали и в него на год раньше записывали. «Думал, буду и летчиком, и моряком. Ага, держи карман шире», – смеялся Алешка, когда рассказывал об этом.

Глава 11

Что говорит наука

Темнело, как оказалось, здесь быстро. Будто колпаком, совсем не плексигласовым, накрывало, и все, джунгли начинали затихать. Помню, моя тетка по маминой линии так клетку с щеглами платком накрывала. Надоели, говорила. Только что щеглы трещали и шелухой плевались, а заглянешь под платок – они все по полочкам расселись, сунув головы под мышку. Однако тишина у нас держалась лишь несколько минут – часть лесной живности к этому времени как раз «вынимала голову из-под мышки», и вскоре крик поднимался по новой.

Нам тоже не спалось. Но мы-то сидели молча, прибитые фактом, что вот она, другая жизнь, и все тут. Араукарии, гинкго, хвощи и папоротники, под ногами рыщут кусающиеся мелкие твари на двух лапах, над головой – те, что побольше, маячат... Средней величины еды мы так пока и не обнаружили, да и не было времени ее искать. Кроме того, нужна ли она? Как ее сохранить в этой жаре, непонятно, опыт с заготовкой анаконды, или как ее назвать, не радовал. Папирос нет, хлеба нет, людей, помимо нас, нет. Одни ящеры. И войны нет. Что, с одной стороны, хорошо, всегда хорошо, когда войны нет. Но с другой стороны, ты знаешь, что она есть, а ты здесь сидишь у костра и мух лениво отгоняешь. Возвращаться надо. Но без Прошиной машины нам нечего об этом и мечтать.

Вечером, еще засветло, он, пощелкав тумблерами, прислонив ухо к генератору, пожужжав верньерами и помахав стрелками приборов на своей приборной панели, выдал:

– Думаю, если точно рассчитать, то в наше время вернуться возможность остается. – Проша нацарапал что-то в полевом блокноте огрызком карандаша.

Закончил эту радостную речь и склонился к костру, который у нас вместо светильника. Спать было неохота, а в темноте сидеть тоскливо, да и звери, считается, огня боятся. Но толку от такого освещения было маловато: то разгорался, то еле тлел, сырое все вокруг, водянистое. Из-за жары мы сидели, как в бане на полке. Только веника не хватало.

– Отлично! – среагировал на слово «рассчитать» Алешка. – Помогать надо?

Мне вообще кажется, что возможность логарифмической линейкой пощелкать любого штурмана из уныния выведет.

– Да ладно, я сам, – ответил Прохор. – Понимаешь, без ошибки не обойтись, но постараемся сделать ее минимальной. Чтобы практически в тот же момент вернуться, откуда нас сюда выбросило. Ну, или чуть позже.

– Или чуть раньше, – вставил потрошивший птеродактиля Климов.

Проша прищурился на дым, мотнул головой:

– Нет, раньше не получится. Временной парадокс преодолевать придется.

Временной парадокс?.. Я дотянулся до сваленных в кучу дров, подкинул в прогорающий костер и сказал:

– Рассказывай, Проша, что за парадокс и какая нам от него польза?

– Пользы, наверное, никакой. А парадокс... Алексей, во сколько точно мы сюда перепрыгнули?

– В четыре часа ноль две минуты. Секунды не запомнил, не до того было.

– Вот представьте, возвращаемся мы назад раньше. Например, в четыре ноль одну. Окажется, что совсем рядом два одинаковых самолета летят. В них два одинаковых экипажа. Только один с ужином от повара эскадрильи Николая Семеныча, а другой – с ужином из птеродактилей. Но их два! И нас всех по два. Даже тебя, Михаил, два экземпляра. Но такого ведь не было? Не было. Парадокс: сюда летели, не было, а если вернемся, то уже было.

– Весело, – протянул Костя, – представляю, что начнется, когда оба «ланкастера» на базу прилетят и на посадку пойдут. Под трибунал парами и пойдём. Интересно, а у первых нас в том варианте есть шанс выполнить задание?

– Понятно, раньше вернуться невозможно. – Галюченко туманными предположениями с курса не собьешь.

– Подожди, как же невозможно? – ухватил суть Алексей. – Вот мы сидим, индюка местного лопаем, ну или если с уважением, то орла. Пока летели, здесь у динозавров нас не было. Мы ведь все родились в цивилизованном двадцатом веке. – Он запнулся, взглянул на Галюченко, родившегося немного раньше начала века нашего, но поправляться не стал: – А теперь мы здесь есть. Получается, когда вернемся, окажется, что мы существовали в далеком прошлом.

– Прав Алексей, – продолжил лекцию Проша. – Опыты я не ставил, но, если судить по расчетам, и то и другое вполне осуществимо. Только огромная разница в требующейся энергии. Два самолета рядом – это очень сильный конфликт прошлого с настоящим. Преодолеть – реально, но, наверное, источник мощностью с ДнепрогЭС задействовать надо.

– Я ездил на ДнепрогЭС. Грандиозная плотина, только где она сейчас? – вздохнул Костя.

– Взорвана, – помрачнел Алексей. – Сам видел. До того как в бомбардировочную перевели, на разведчике летал в том районе. Два раза над самой плотиной проходили, смотрели, не восстанавливают ли немцы.

Вот ведь, а я и не задумывался, где Алешка штурманил до того, как к нам в эскадрилью попал. Похоже, не одна моя летная книжка нашу компанию на «ланкастер» посадила.

– Ладно, выполним задание, фрицев добьем. Мир настанет – восстановим. Сами смастерили, сами и починим.

– Восстановим, – поддержал экипаж.

А без планов на нормальную жизнь – как воевать?

Помолчали, но вопрос-то с машиной времени ответа не получил. Радист толкнул Прошу в бок:

– Ты продолжай, Проша, объясняй, почему сюда попасть ГЭС не понадобилась?

– По расчетам, конфликт совсем маленький. Побывали мы здесь, не побывали, для нашей действительности, которая сейчас в далеком будущем, разницы никакой. Все наши следы сотрутся, птеродактили, которых мы лопаем, вымрут. За миллионы-то лет. Так что хватило одних батарей, даже генератор не раскрутился – аппаратуру ведь из самолета сбросить не вышло, набегающего потока воздуха не было.

– Ничего себе – набегающего потока не было! – удивился я. – Скорость под 450 километров в час, бомболюк открыт – заклинило ведь, да там так дуло! И не хватило?!

На этом я осекся. Да мало ли как дуло, на пропеллер генератора, может, и не попало ничего. А может, и не мог он крутиться в транспортном положении – пока парашют не раскрылся, – чтобы самолет не зацепить в поле действия машины этой, я ведь не знал – секретность, мать ее! Спросил уже спокойнее:

– А обратно батарей хватит?

– Конструкция такая. – Проша педантично начал с моего первого вопроса. – Пожалуй, что не хватит батарей. Но можно запустить установку, как в прошлый раз. Взлететь и сбросить. Во время падения набегающий воздух раскрутит пропеллер, сидящий на валу генератора, а генератор даст ток. В установку ни одна пуля не попала. Генератор должен отработать, как и было задумано. Только в тот раз нам самим не нужно было попасть в зону действия, а теперь это как раз и требуется.

– Подожди, Проша, согласно заданию ведь бомба должна сработать над Рейхстагом. Это он должен был в тартарары убраться. «Юнкерс» бомболюк пушкой обработал, его заклинило полураскрытым, и вот теперь мы здесь гнезда птеродактилей рассматриваем. А по заданию эти

самые птички должны сейчас гнездо фашистское обгаживать. Если взлетим и бомбу кинем, получается, джунгли в наше время прилетят? Откуда она, машина, знает, что именно самолет надо в будущее возвращать?

– Да не на самолет она действует, а на все вокруг. Время смещает и пространство перемешивает, но немного. Рейхстаг бы не весь в прошлом оказался, а кусками, какой куда провалился. Самолет маленький, целиком, в одном куске, сюда попал.

– А остальные куски где?

– Так вокруг же ничего не было. Воздух. Где-то здесь он. – Проша покрутил рукой над головой.

– Где-то здесь, – повторил Алексей, озадаченно взглянув на Прошу, – так и «юнкерс» могли с собой сюда притащить. Какой радиус действия у машины? Соседи с автоматами точно не заглянут? На огонек?

Мне тоже про это подумалось, «юнкерс» тогда совсем близко шел. А Проша будто и не слышал вопроса, шпарил про свое:

– А после сброса вы постараетесь самолет к парашюту поближе держать, чтоб в зону действия попасть.

Самолет к парашюту поближе держать... Не стал я расстраивать Прошу, да и остальных, хотя остальные-то сами были способны догадаться. Скорость у меня минимальная под двести километров в час, даже с потерей высоты. Как я буду машину на одном месте удерживать? Только кругами ходить и надеяться, что бомба сработает, когда близко окажемся? Но я-то промолчал, а Галюченко не удержался:

– Ты, Проша, никогда в кабине стрелка не сидел, парашютиста из нее не бачил. У нас же скорость – тильки купол здесь, змигнув, и мы в километре!

– Решим эту проблему, – вмешался Костя. – Можно круг описать и в расчетный момент команду на срабатывание ракцией подать. Вон у тебя, Проша, антенны какие. Аж две пулеметные позиции освободить пришлось – и в носу, и в хвосте.

– Нет с машиной радиосвязи, – огорчился физик. – Это не антенны, а бесконтактный емкостной контур. Как предохранитель работает, чтобы процесс внутри самолета не включился. – Проша оборвал себя на полуслове, покраснел и промямлил: – Я думал, что как предохранитель. А она все равно включилась.

– Ничего, – не сдавался Климов. – Рация на «ланкастере» отдельная – передатчик себе оставим, приемник к бомбе прикрутим, а таймер на ней отключим.

– Круг описать, – проворчал я, – к бомбе прикрутим... Дырки латаем... А никто не заморочился, как взлетать будем.

Замолчали. Проша на меня удивленные глаза уставил. Алешка отвернулся. А, тоже, значит, думал уже, Костя скривился и бровки домиком сделал, прикидывал, поскольку эту проблему с кондачка не решишь. Петр Иванович смотрел, а сам будто пересчитывал что-то. А что тут пересчитывать, лес валить придется, но это ж целая просека нужна.

– Сколько потребуется для взлета? – откликнулся первым Проша.

– По-хорошему этому кораблю нужно не меньше метров семисот твердого покрытия. В длину. И в ширину метров восемьдесят, а лучше – больше. На кочке вильнешь, крылом в фарватер не впишешься и в елку.

Проша помрачнел.

– Ух ты, семьсот метров! Семьсот на восемьдесят – больше пяти гектаров рубить, – уныло восхитился Костя, повернувшись к джунглям. – А может, по пляжу разгонимся?

– Не получится. – Я даже удивился несообразительности радиста. – Видел, какие борозды пропахали, когда садились? Этот песок ногой ткнешь – по полколена закапываешься.

– И чего ухать, як филин, – сонно проворчал Галюченко, – козу бы найти. Какой тут птеродактиль, Проша, по твоим приметам к козе ближе? Молочка бы.

– Да какие козы, Петр Иванович, – физик удивленно потер облупившийся нос, – ни одного молоконесущего животного на весь меловой период. Не произошли они еще.

Нас разобрал хохот, такое удрученное лицо стало у бортстрелка.

– Тьфу ты. Вот ведь занесло так занесло, – покачал головой Галюченко. – Гитлер – подлюка, все наперекосяк из-за него. И сюда свалились, и в баню не попали, даже рубаху сменить не получается. Полосу рубить надо, выбираться, я завтра два этих гинкги свалю.

И так он это ровно сказал, что мы забыли смеяться и уставились на него. Проша первым очнулся:

– Правильно, Петр Иванович, и я два.

– Ох, держите меня семеро, – хохотнул Алешка, – чем валить-то будете? Топоры чи есть, чи нет? – ехидно выдал он.

Ишь как раззадорило, по-украински шпарит не хуже Галюченко.

– Один есть! – сказал я, рассмеявшись и зевнув. – В аварийном «ланкастера» лопата даже имеется. Слышал, аварийку так собирают – попал один в переплет, в тундре, скажем, приземлился, в следующий раз обязательно сухое горючее в НЗ воткнул. Нам-то в ЕР-2 не повернуться будет с топором, да еще и с лопатой, а в «ланкастере» их и не заметишь. Петр Иванович прав, его и топор завтра. Но извини, только на один день, дальше жребий тянуть придется. Всем, включая меня. Да и намахнешься так, что к обеду взвоешь.

– Не взвою, чи я дрова ни разу в жизни не рубил? Ну ладно, значит, отдохну в принудительном порядке, а остальные завтра на подхвате. Я спать, что-то засыпаю уже, – потянулся Галюченко. – По уставу положено.

– Устав еще не написали здесь, неграмотные, всеобуч у динозавров не вводили, – пробубнил радист. – Не положено спать ефрейторам.

– Нет устава, нет и службы. Так спать буду, – пожал плечами Галюченко.

– Проша, а что говорит наука про каменные топоры? – отвернулся от стрелка Костя, его конопатое лицо было сонным, но решительным.

Что говорит наука, я уже не слышал, решив, что ничего хорошего она про это говорить не могла. Какие они там были? Кремниевые? Или, к примеру, обсидиан имелся у индейцев кроу? Вот ведь в непутевое же место попали, даже кремния на топоры в местный сельмаг не завезли, ни захудалого обсидиана, думал я, уже засыпая. И воды-то нашли, да только тухлой и мутной, будто по ней стадо коров этих здешних бродило. Теперь животы у всех болели и есть не хотелось, хоть и еды в виде зеленых полно... Перед глазами почему-то проплыла прозрачная Соня. Сквозь нее проступил Алексей, что-то жарко рассказывавший динозавру. Не местному, а тому, морщинистому, из Плутонии... Динозавр не отвечал, но сально ухмылялся...

Глава 12

Мамаши с колясками

К концу первой недели подтвердились опасения, что зверье совершенно диких размеров встречается и поблизости. На рассвете из «ланкастера» выбираешься, а оно, высотой с соседнюю елку, стоит боком и, будто вошь, тебя рассматривает. Однако мы уже разобрались, что эти огромные твари, если им не попадаться под ноги, вреда не принесут.

Проша постоянно рисовал их в своем блокноте, отмечал. Часто там появлялись лапа, или клюв, или гребень. Иногда – наброски звездного неба. Иногда на полях возникал профиль девушки. Рисовал физик довольно криво, но видно было, что девушка будто бы оглядывалась. А я, один раз столкнувшись с ее строгим взглядом, в Прошин блокнот наведываться перестал.

Сейчас физик сидел справа от меня, и я не мог не видеть, как он задумчиво заштриховывал очередной профиль. Девчонка теперь смотрела, как если бы сквозь сетку дождя. Физик сказал:

– Седьмой наш день у динозавров. И кажется, прошлой ночью наблюдалось новолуние. Небо ясное, а луны нет, – пояснил он, видимо, на всякий случай, потому что воцарилась тишина после его слов. – Скоро узнаем, сколько дней в неделе у динозавров.

– Поди больше, чем у нас. День-то точно короче. Не хотелось бы узнать, сколько в году, – пробурчал радист.

– Не хотелось бы, – согласился Проша. – Но можно будет предположить и так.

– У динозавров ни одно созвездие не похоже на себя, – сказал Алешка, усмехнувшись. – Небо совсем другое. Могу только догадываться, где сейчас Ковш Большой и где Малый. Они здесь есть – их звезды, в смысле, но я не уверен... и Полярная звезда теперь не полярная.

Алешка их в первую очередь на карту поместил. Поместить-то поместил, но смеялся: «Я разведку произвел, дальше дело за Прошей данные обрабатывать». Нам со штурманом сведения требовались больше по провианту и ремонту машины. Провианта ходило рядом много, и нам уже не хватало пальцев, чтобы объяснять, кого встретили в чаще.

Поэтому мы постоянно спрашивали Прошу, как называется тот или другой зверь. Отвечал физик охотно, но расплывчато. А Галюченко оказался самым интересующимся из нас, поскольку за добычей ходил чаще других:

– Ты, Проша, определенно скажи, как они называются. А то таскаю я, таскаю в котел этих гадов зеленых, а они у тебя то рамфоринхи, то птеродактили. Одно название нужно, чтоб не путаться, с чем суп варить.

Проша взял у Галюченко недавно добытую зеленовато-коричневую зверюгу, оттянул ее перепончатое крыло, вздохнул:

– Что сказать? Ты ему, Петр Иванович, хвост вроде не отламывал, пусть будет птеродактиль, рамфоринхи – с хвостом.

– И нарекаю тебя птеродактилем! – голосом протодиакона пропел Костя, дал петуха и закашлялся.

– Ну ладно, – решил стрелок, – тогда те, которые желтые, с этого дня считаются рамфоринхами...

Каждый день привычно начинался со сбрасывания разных гадов с машины и из нее. Потом кто-нибудь уходил на просеку, наряд по кухне разрабатывал план кормления экипажа, а остальные забирались наверх и принимались стучать. И к концу этой первой недели кое-как заклепали уже почти все отверстия. Во всяком случае, на рассвете солнце не било мне в глаз в ровный полукруг из семи дыр под правым передним иллюминатором.

Надо было еще изобрести, чем закрыть два разбитых окна. Когда садились, осколки держались в раме и даже защитили нас от первой атаки гостей-птеродактилей. Но назойливым тварям понравилось ковырять битый плексиглас, и он вскоре полностью высыпался на пол. Что интересно, более-менее целые стекла зверье не трогало, а вот лучащиеся на солнце кусочки не давали им покоя, как бриллианты – капиталисту. Ночами мы закрывали выбитые форточки ненужными сейчас гимнастерками, а от земли оторвемся, и гимнастерочки посрывает, как не бывало.

Это если удастся взлететь, но если не думать, то никогда и не взлетишь. Еще пробитый бензопровод, но его я, кажется, нашел чем заменить. Да и с окнами Алешка хорошую идею подкинул, что можно оставшиеся осколки плексигласа попробовать смолой от араукарии склеить. Вот только половину плексигласа за борт выхлестнуло, получилось бы здорово, если бы он весь в кабину ссыпался, но так ведь не бывает.

Ночевали все в «ланкастере», по-прежнему валявшемся посреди джунглей, как огромная рыбина, запутавшаяся в сети. Спать внутри было проблематично, так накалялась машина к ночи, несмотря на сомкнувшуюся над самолетом зеленую крышу. И оставаться снаружи было глупо – зверье в округе не дремало. То и дело кто-нибудь из нас вскакивал и с руганью открывал форточки и иллюминаторы. Мы пытались соорудить решетки, но и те летели в сторону, казалось, что даже они перекрывали доступ прохладе. Через пару минут форточки захлопывались потому, что местная фауна лезла внутрь.

– Задрать люки, – сонно бормотал Алексей из своего угла.

Утром просыпаешься мокрый от пота. За обшивкой – вой мечущихся перепончатых. Глухой удар по фюзеляжу, и слышно, как сползает тварь. В небе – вопли местной почти единственной почти птицы – археоптерикса.

Закрываешь глаза и представляешь, что вернулся домой, открываешь – нет, все еще в джунглях. Надо опять есть зеленую похлебку из птеродактиля, экзотика, видите ли. Но сегодня я собрался пойти на пересохшее болото за другой добычей, тогда, если повезет и кладка будет еще цела, пожарим яичницу из огромного яйца на огромном камне.

Определить название хозяина кладки Проша сразу не смог. Он все время твердил, что никого из учебников на сто процентов опознать не может. У одного перья вместо голой шкуры, у другого габариты мощнее, чем он ожидал, и он теперь не уверен, как его называть. Мы же ему надоедали с вопросами: относятся ли эти габариты к травоядным? Потому что плотоядных, как их описывал Проша, не хотелось бы встретить даже в интересах науки.

Несмотря на его неуверенность, мы все равно решили пользоваться Прошиными терминами, как бумажками с переводом, которые нам нашлепал в машине Вяхирев. Похож на птеродактиля – будешь птеродактилем. Вот и кладку яиц, еще вечером безымянную, утром назвали сте-гозавровой. Проша вернулся от родника с котелком воды и сказал:

– Как-то бы нам емкость побольше найти, сколько можно с котелком ходить на целую... роту.

Рота в числе четырех человек, только проснувшаяся и выбравшаяся из самолета, на него уставилась с недоумением. И Проша на всякий случай добавил:

– А кладка-то действительно стегозавровая. Наверное... Я не помню, когда они вымерли. Видел там, в араукариях, несколько махин ростом метра три в холке, с гребнями.

– Вчера ночью сунулась одна такая с гребнем к костру, у которого я засиделся, – невозмутимо сказал Петр Иванович, прищурившись, прикуривая козью ножку от тлеющего прута. – Ну и морда, думаю, никак смерть моя пришла. Самое обидное, что с гребнем. Все не как у людей. Так я ее головешкой в морду-то. Заверещала, что твоя свинья, и убежала.

Мы помолчали. Только физик дара речи не лишился:

– Хорошо, что убежала, могла ведь вперед пойти, танк на четырех ногах, живого места не останется.

– Не, свинья и есть свинья, Проша. Головешками и отобьемся.

– Ну, не знаю, – сказал Костя. – Несознательная ты личность, Петр Иванович, за тобой, понимаешь, люди спящие.

– Ну-ну, прямо чуть не мамыши с колясками, – хмыкнул я. – А про котелок верно, Прош, сообразим что-нибудь.

– Плохая примета, командир. – Алексей повесил на огонь кипятиться воду – для чая, выкатил из золы глиняные чушки печеных птеродактилей. Сказал: – Только ведь заклепай бочку, тут на всю жизнь с этой бочкой и останешься. А что? Как на курорте. Море под боком. Хочешь – лежи загорай, хочешь – физзарядкой занимайся, просеку руби.

– Ну, вот к обеду и соорудим ведро, – усмехнулся я. – Канистру не отмоешь, бочку таскать не с руки. Ведро в самый раз. И не железное, обшивку отдирать на него, что ли? Кожаное будет, с сиденья. Индейцы такие делали. Я – за яйцами стегозавровыми. Петр Иванович, ты яичницу обещал?

– Будет.

Петр Иванович придумал вместо сковородки положить в костер плоский камень, ошпарить его кипятком для чистоты. Ну и что, что яйцо больше походило на вареное, блюдо назвали яичницей. Потому что привычное, родное слово. Потому что хотелось выбраться. Потому что время будто остановилось. И ты радовался привычному, знакомому слову, радовался, что Галюченко звал тебя помогать ловить птеродактилей. Потому что охота – это понятно, это – ты, а не тебя плохо изученная современной наукой тварь скушает за милую душу. Поэтому мы радостно вешали пояс с кобурой, совали ножи в сапоги. В трусах, с кобурой на поясе и в сапогах. По джунглям без сапог и кобуры передвигаться не с руки...

Вот где Петр Иванович в своей Виннице мог охотиться научиться? Нигде. Нет у них лесов, сплошные поля да села – не поймешь, где одно кончается, где другое начинается. Самое большое – хряка в сарай загнать да лису из лаза в курятнике подловить на воротник. Правда, и про зайца он мне сам рассказывал. Не иначе, умения от предков по наследству достались, что бы там ни говорили о роли воспитания и средней школы. Попал в доисторический лес, и вот он – главный охотник, весь экипаж мясом обеспечивает.

Глава 13

Пятилетку – в четыре года!

С утра пораньше мы с Алексеем занялись планированием. Что-то нехорошо на душе было, чувствовалась неправильность поставленных задач. Два дня назад, когда решили рубить взлетную полосу, все казалось ясно: расчистим просеку, где ямы попадутся, камнями засыплем, где бугорки – сроем, чего уж там. Даже притча про мужика, который костром камень с дороги убрал, вспомнилась – нет ничего невозможного. А теперь сомнения взяли. Энтузиазм энтузиазмом, а цели надо ставить реальные. Вот и решили пройти еще раз вдоль намеченного фронта работ, оглядеться.

Оглядеться – мягко сказано. Это только когда полосу расчистим, можно сделать. А так – направление в лесу не потерять, с компасом не сверяясь, – уже задача. Лес многослойный, не то что возле «ланкастера». Там даже не джунгли, а будто опушка, травка росла, мягкая такая, высоченная, голову задирать приходилось. Может, конечно, растения эти к траве никакого отношения не имели, но в этом ботаникам разбираться. Нам же оставалось радоваться, что, когда садились, в эту мягкую гущу въехали и ни одного настоящего дерева не встретили – редко они на опушке росли, а может, на берегу моря их семечки не принимались, но про моря я не особенно знаю.

А глубже в джунгли – совсем иначе. По виду – тот же травянистый подлесок, и не очень густой, метров на пять поверху просматривался. Выше – кроны небольших деревьев, и тоже реденько росли. Над всем этим, метров от пятнадцати, была зеленая крыша. И солнце, и ветер, все – там, на высоте, а внизу – сумрак и баня. Перепончатые разных размеров порхали, близко подлетали, воздух от крыльев шевелился иной раз как от веника в парилке. Банщики чертовы!

Итак, нам требовалась прямая полоса метров в семьсот длиной. Должно было хватить, хотя наверняка мы этого и не знали, взлетали-то единожды и с полосы бетонной. Здесь же – мох и почва пружинили, когда идешь. Но под ними и твердая подложка чувствовалась, ноги по колено не проваливались, и на том спасибо. Ладно, будем считать, что с поверхности этой взлететь можно. И будем считать, что семисот метров хватит.

– Алексей, как думаешь, сколько времени рубить придется? – Я оперся рукой об уходящий в зеленую высь ствол. – Хорошо, что деревья редко растут, внизу больше трава мягкая. Но все равно ведь рубить, с пнями что-то делать, срубленное с полосы оттащить.

– Не знаю. – Настроение у штурмана было явно не оптимистичное. – Я все считаю в уме. Как бы пятилетку в четыре года объявлять не пришлось.

Невеселые шутки. Не пятилетку, конечно, но за пару недель полосу не построить. И не за четыре, и не за шесть недель. Однако рубить имело смысл. Алексей продолжил:

– Но можно посмотреть и с другой стороны, с хорошей, так сказать. Вот мы уже километра полтора зигзагами намотали, а я только одну яму заметил, да и то небольшую – вмятина. И валуны не торчат. Пожалуй, саперный батальон для проведения дорожных работ вызывать не придется?

Действительно, не придется. Тут и я спохватился:

– Проша с нами не пошел, он бы придумал объяснение, почему земля ровная. Давай палками поковыряем, посмотрим, что там подо мхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.